

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный
научно-популярный журнал
частного и публичного права

pravojournal.ru

1 (3) / 2019

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный
научно-популярный журнал
частного и публичного права

№ 1 (3)

Вологда 2019

Издается с июня 2018 года

Выходит два раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний»,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:

П. В. Голодов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (elibrary.ru)

Дата выхода в свет : 01.07.2019

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72250 от 24 января 2018 г.

© ВИПЭ ФСИН России, 2019

© ВоГУ, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Голодов П. В. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе (главный редактор);

Серякова И. Н. – научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России (ответственный секретарь);

Квашнин В. А. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного права Вологодского государственного университета;

Мишальченко Ю. В. – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, Генеральный советник Экономического суда СНГ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

Нагорных Р. В. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

Попова И. Н. – кандидат филологических наук, начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России;

Силкин В. П. – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Вологодского государственного университета;

Синицын А. А. – кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе и инновационному развитию Вологодского государственного университета;

Старостин С. А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

Сухондяева Т. Ю. – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Вологодского государственного университета;

Углицких Д. В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Вологодского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

АНФИМОВА Ю. Н. Современное состояние и направления развития административно-правового регулирования в сфере науки и образования в Российской Федерации	5
БЛАШКОВА Л. Л. Социально-правовые особенности коррупционной преступности в органах местного самоуправления	10
БОГДАНОВ С. В. Перевод осужденного из исправительного учреждения в следственный изолятор: проблемы процессуального регулирования и прокурорского надзора	15
ГАВРИЛОВ Б. Я. Законодательное обеспечение использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	19
ГЛАЗОВА А. П. Принудительные меры в правоохранительной сфере в пределах морских пространств: безопасность государства и защита прав человека	25
КАРАВАЕВА Ю. И. Развитие российского законодательства о браке и семье	28
КИРИЛОВСКИЙ О. В., МЕЛЬНИКОВА Н. А. Порядок применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких	33
КОВАЛЕВ Н. С. Гендерный аспект принципа равенства осужденных перед законом в Российской Федерации при реализации прав осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач, бандеролей	37
КОЛПАКОВА Л. А. Вопросы судебной практики применения института освобождения от отбывания наказания по болезни . .	40
КУЗНЕЦОВ А. П. Обстоятельства, смягчающие наказание	44
ЛЮТЫНСКИЙ А. М. Уголовно-процессуальный кодекс и проблемы раскрываемости преступлений (к обсуждению законопроекта о дополнении ст. 146 УПК РФ)	49
МОРОЗОВ Р. М., СТУДЕНТОВ Р. А. О некоторых проблемах участия адвоката на досудебных стадиях административного процесса	52
ПАВЛУШКОВ А. Р. Тайна исповеди и свидетельский иммунитет священнослужителя как отражение законодательного и общественного противоречия	56
СПИРИДОНОВА Ю. Н. Некоторые вопросы взаимодействия следователей и дознавателей с оперативными подразделениями при раскрытии и расследовании преступлений	61
ШУЧЕВА С. П. Проблемные аспекты квалификации неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ)	64
НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ	68

CONTENT

ANFIMOVA YU. N. The current state and directions of development of administrative-legal regulation in the field of science and education in the Russian Federation	5
BLASHKOVA L. L. Social and legal features of corruption crime in local government.	10
BOGDANOV S. V. Transfer of convicts from a correctional institution to a pre-trial detention center: problems of procedural regulation and prosecutor's supervision	15
GAVRILOV B. YA. Legislative support of the use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings	19
GLAZOVA A. P. Compulsory law enforcement measures within the maritime spaces: state security and the protection of human rights.	25
KARAVAEVA YU. I. The development of Russian legislation on marriage and family.	28
KIRILOVSKY O. V., MELNIKOVA N. A. The order of application security measures in relation to employees of the penal system and their relatives	33
KOVALEV N. S. The gender aspect of the equality principle of convicts in the Russian Federation while realizing the rights of persons sentenced to imprisonment to receive packages, broadcasts, packages.	37
KOLPAKOVA L. A. Issues of judicial practice in the application of the institution of exemption from serving a sentence due to illness	40
KUZNETSOV A. P. Mitigating circumstances	44
LYUTINSKYA A. M. Criminal Procedure Code and the problems of detection of crimes (to the discussion of the bill on the addition of Article 146 of the Code of Criminal Procedure of the RF)	49
MOROZOV R. M., STUDENTOV R. A. On some problems of the participation of a lawyer in the pre-trial stages of the administrative process	52
PAVLUSHKOV A. R. The seal of confession and privilege of witness of a priest as a reflection of legislative and public contradiction	56
SPIRIDONOVA YU. N. Some questions of the interaction of investigators and inquiry officers with operational units in the detection and investigation of crimes	61
SHUCHEVA S. P. Problem aspects of qualifying failure to render assistance (Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation)	64
SCIENTIFIC REVIEWS, REFERENCES	68

УДК 342.95: 001:378

Современное состояние и направления развития административно-правового регулирования в сфере науки и образования в Российской Федерации

Ю. Н. АНФИМОВА – магистрант ВИПЭ ФСИН России, менеджер научно-организационного отдела Вологодского государственного университета

Уровень развития науки и образования представляет собой значимый фактор прогрессивного движения любой страны. Воспроизводство общества в его конкурентоспособном виде невозможно без столь же эффективной системы науки и образования. В статье в рамках административно-правового аспекта раскрываются проблемы в области науки и образования в России, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: образование; наука; научная и образовательная деятельность; административно-правовое регулирование.

The current state and directions of development of administrative-legal regulation in the field of science and education in the Russian Federation

YU. N. ANFIMOVA – Master student of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, manager of the scientific-organizational department of Vologda State University

The level of development of science and education is a significant factor in the progressive movement of any country. Reproduction of society in its competitive form is impossible without an equally effective system of science and education. The article in the framework of the administrative-legal aspect reveals the problems in the field of science and education in Russia, suggests ways to solve them.

Key words: education; science; scientific and educational activities; administrative-legal regulation.

Состояние науки определяется уровнем развития экономики, целями национальной политики, получаемыми научными результатами, появлением новых технологий, а также усилением наукоемкости отраслей экономики. Регулирование в науке направлено на реализацию эффективной научной политики, выражающей реальное отношение государства к научной и научно-технической деятельности. При этом значимыми представляются вопросы, связанные с административно-правовым регулированием государственной аккредитации образовательной деятельности, лицензированием образовательных программ, администра-

тивным надзором в сфере подготовки научных кадров, функционирования научных организаций, определения наукометрических показателей научной деятельности, защиты интеллектуальной собственности и др.¹ Принципиальна проблема несовершенства нормативной правовой базы, особенно в области защиты авторских прав на результаты научно-исследовательских работ.

Анализируя российскую нормативную правовую базу научной деятельности, можно отметить:

1) устаревание законодательства о науке и государственной научно-технической политике (не в полной мере отражает совре-

менное состояние науки, содержит большое количество изменений, препятствующих пониманию закона);

2) слабость понятийной основы при применении норм законов;

3) отсутствие полноценного правового поля, охраняющего авторские права на научные результаты, регламентирующего вопросы получения авторами доходов, и др.²

Научные сотрудники выделяют бюрократизм в управлении, слабую материально-техническую базу, недостаточное финансирование, трудности публикаций в рейтинговых журналах, слабое включение российских исследований в мировую науку, дефицит связи науки с практикой, недостаток информации. При оценке успешности проводимых реформ в сфере науки преобладают неодобрительные оценки³.

В рамках национального проекта «Наука» выделены рекордные средства в размере 636 млрд руб.⁴, но и их недостаточно. Мониторинг финансирования научных организаций показал, что учреждения каждый год теряют ориентировочно 5 % от начальной величины субсидий. Сметное финансирование не нацеливает на получаемый результат. Фактором развития является использование грантового финансирования проектов. Сейчас наука финансируется по ограниченному (точечному) направлению, что препятствует ее системному развитию. Рационально создать условия, при которых административно-правовое регулирование будет нацелено на экспертное обоснование необходимости финансирования перспективных проектов и направлений, основанное на принципах непредвзятости.

Для развития российской науки необходимо обеспечение эффективного минимального административного вмешательства, базирующегося на независимой оценке деятельности отдельных ученых и лабораторий, устранении нерационального распределения ресурсов между ними⁵. Ситуацию улучшит развитие неограниченного перечня отраслей науки, создание условий для повышения престижа научной деятельности, регулирование механизма финансирования исследований, усиление интеграции науки и образования⁶.

Задачей административного права в сфере образования становится нормирование отношений, которые возникают в рамках деятельности государственной власти. Тенденция приведения отношений к «социальному порядку» в пределах административно-юридической логики сближается с ад-

министративно-нормативным замещением и административно-правовым возмещением ненормативной деятельности. Движение государственно-управленческой парадигмы от «самостоятельного выживания» к «государственному содержанию» призывает определить соотношение методов административно-правового регулирования и сфер их применения.

Образование как административно-правовая категория совмещает конкуренцию за качество образовательной услуги и всеобщность, доступность образования⁷. В современной действительности обострились проблемы доступности, качества, сочетания государственного и негосударственного образования, финансирования образовательных программ.

Актуален вопрос правового обеспечения административно-правовых методов государственного управления образованием. Роль лицензирования, аккредитации и стандартизации заключается в том, что они являются механизмом оценки качества образовательной организации⁸. Одним из методов выступает государственный контроль (надзор). При рассмотрении государственной аккредитации и лицензирования встает вопрос о правовой природе решений, принимаемых по результатам или после реализации каждой из данных процедур, юридическом факте их завершения, основаниях применения. Из-за запутанных формулировок не разделяются правовые последствия решений о лишении аккредитации и об отказе в ней⁹. Решения о результатах оценки образовательной деятельности принимаются на основании чересчур общих и неконкретных критериев и показателей, большая часть из которых закреплена на подзаконном уровне, что допускает расширительное и ситуативное толкование их содержания, необоснованно расширяет границы административного усмотрения контролирующих органов, приводит к злоупотреблению правом при вынесении решений в отношении образовательных организаций.

В стране увеличивается спрос на образовательные услуги, что подтверждает ценность образования. Важны вопросы инновационных изменений образовательного процесса: уровневое обучение согласно ФГОС, применение интерактивных форм преподавания и информационных технологий и др. Продуктивность научно-исследовательской деятельности, повышение инновационной активности вузов также не теряют своей актуальности¹⁰.

В вузах создается интеллектуальная ответственность – основа стратегического территориального развития и увеличения эффективности реального сектора экономики. Экономическое предназначение образования состоит во влиянии на эффективность общественного труда и развитие производительных сил. Повысит качество высшего образования реализация востребованных образовательных программ. Деятельность вузов должна быть ориентирована на реальный сектор экономики¹¹.

Инновационного потенциала можно достичь лишь благодаря тесной связи образования и науки, что реально при интеграции молодых исследователей в научную и инновационную среду¹². Главным критерием развития образования становится его научное обоснование. Вызовы, связанные с социокультурными трансформациями, техноэволюционными процессами, эволюцией информационной среды, а также разработкой новых стандартов для системы образования, привели к структурным изменениям научных институтов и перемене целевых ориентиров в образовательной сфере. Неоднородна реакция на введение современных управленческих стратегий и оценки результативности научной деятельности, где главная роль принадлежит формальным наукометрическим показателям (индекс цитирования, число публикаций в ведущих иностранных научных журналах и др.)¹³. Публикации и диссертации часто применяют для карьерного продвижения, так как публикационная активность относится к показателю профессиональной деятельности преподавателей¹⁴.

Глобализация науки и образования требует выхода за национальные границы посредством выстраивания международных партнерских сетей и формирования научной репутации в мировом пространстве¹⁵. Вызывает бурные дискуссии новый виток реформы высшего образования. Н. В. Брагинская, сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ, говорит, что вступление России в Болонский процесс – это выбор не российского академического сообщества, а условие вступления России во Всемирную торговую организацию¹⁶. Ректор МГУ академик В. А. Садовничий подчеркивает, что российское образование не экономическая, а культурная ценность¹⁷. Болонский процесс критикуют из-за проблем его регулирования и социокультурных

сложностей взаимодействия с российской ментальностью. Избегание изоляции правового регулирования образовательного законодательства, соотношение его с действующим законодательством позволит обеспечить адекватную реализацию его норм¹⁸. Фрагментарное развитие системы образования затянуло формирование успешной для страны модели образования. Наивно полагать, что заимствование иностранной системы образования без учета национальных особенностей приведет к положительным результатам¹⁹.

Параметры, которыми должна обладать образовательная система России, это междисциплинарность, фундаментальность знания, обучение действовать самостоятельно и в ситуации неопределенности, развитие нелинейного мышления, обучение добывать и фильтровать информацию, творческий характер обучения, способность брать на себя ответственность²⁰.

Как показал анализ научной литературы, для трансформации имеющихся подходов к преобразованию науки и образования в стране необходима ревизия приоритетных показателей в системах оценок эффективности образовательной и научной деятельности через открытую дискуссию и постоянный учет мнений самих ученых и педагогов, разграничение нормативных показателей деятельности разных учреждений образования, отказ от библиометрии как доминирующего инструмента определения рейтинга и квалификации, интенсификацию института рецензирования научных публикаций, уменьшение бюрократической цифровой отчетности, запрет на неаргументированные доскональной экспертизой рестарты выполняемых целевых программ до их реального завершения и др.²¹

В интересах решения обозначенных задач нужны грамотные управленцы. Следовательно, требуется построение прозрачной системы оценки их работы в сфере науки и образования. Необходимость обобщения нормативно-правового обеспечения административно-правовых видов деятельности, создания рекомендаций по контрольно-надзорной, инспекционной и экспертной работе определяет актуальность исследований в данной области. Наука и образование – приоритетные сферы государственного управления, в связи с чем любые недоработки ведут к неисправимым последствиям во всех сферах общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Кравец Ю. А. Административно-правовое регулирование в области науки // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 1. С. 167.
- ² См.: Казарина Л. А., Казарина М. В. Тенденции и проблемы развития российской академической науки в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2 (43). С. 132.
- ³ См.: Собкин В. С., Андреева А. И., Рзаева Ф. Р. Отношение ученых к реформированию российской науки об образовании (по материалам социологического опроса) // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 42.
- ⁴ См.: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. URL: <https://obraz.tmbreg.ru/images/doc/2019/022019/inf%20nauka.pdf> (дата обращения: 18.02.2019).
- ⁵ См.: Кравец Ю. А. Административно-правовое регулирование в области науки. С. 168.
- ⁶ См.: Казарина Л. А., Казарина М. В. Тенденции и проблемы развития российской академической науки в современных условиях. С. 133.
- ⁷ См.: Борисенко Л. В. Метод административно-правового регулирования в сфере государственного управления системой образования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 250.
- ⁸ См.: Петрова Е. С. Роль и особенности аккредитации и лицензирования в сфере российского образования: правовой аспект // Человеческий капитал. 2015. № 10 (82). С. 16.
- ⁹ См.: Гольяпина И. Ю. Проблемы правового обеспечения государственного управления системой образования в России // Инновационные проекты и технологии в образовании, промышленности и на транспорте : материалы науч. конф., посв. Дню российской науки (г. Омск, 8 февраля 2018 г.). Омск, 2018. С. 63.
- ¹⁰ См.: Лаптева Н. В., Мартышкин А. С. Анализ современного состояния государственного управления системой высшего образования в Российской Федерации // Вестник СамГУ. 2015. № 5 (127). С. 174.
- ¹¹ См.: Ермолаев М. Б., Миролубова А. А. Проблемы и диспропорции российской науки и образования в конце XX – начале XXI века // Теоретическая экономика. 2015. № 5 (29). С. 76.
- ¹² См.: Иванько Н. А. Роль системы образования в формировании инновационного потенциала современного российского общества // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С. 183.
- ¹³ См.: Собкин В. С., Андреева А. И., Рзаева Ф. Р. Отношение ученых к реформированию российской науки об образовании (по материалам социологического опроса). С. 35–36.
- ¹⁴ См.: Некрасов С. И. О взаимосвязанных процессах «оцифрования» современной российской науки и образования // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 173.
- ¹⁵ См.: Пекер И. Ю. Интернационализация образования и науки как средство повышения конкурентоспособности российских университетов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8. С. 154.
- ¹⁶ См.: Брагинская Н. В. Своя корысть // Русский журнал (russ.ru) : ежедневное российское общественно-политическое интернет-издание. 2007. 16 марта.
- ¹⁷ См.: Садовничий В. А. О будущем российского образования // Московская правда. 2004. 28 сент.
- ¹⁸ См.: Макеева Н. К., Щетинин А. А. Актуальные вопросы административно-правового регулирования отношений в сфере образования в Российской Федерации // Актуальные вопросы конституционного и административного права : сб. материалов всерос. науч.-теорет. конф. (г. Ростов-на-Дону, 28 февраля 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 88.
- ¹⁹ См.: Романова М. В., Танеева Е. Ш. Приоритеты развития образования в России: исторический аспект // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 5 (52). С. 176.
- ²⁰ См.: Зиновьева Е. Г., Усманова Е. Г. Анализ эффективности и результативности сферы образования в разрезе федеральных округов Российской Федерации // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество – 2018 : материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 20–23 августа 2018 г.) / под ред. Ж. В. Мурзиной. Чебоксары, 2018. С. 155.
- ²¹ См.: Некрасов С. И. О взаимосвязанных процессах «оцифрования» современной российской науки и образования. С. 175.

- ¹ Sm.: Kravec YU. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie v oblasti nauki // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2017. T. 3. № 1. S. 167.
- ² Sm.: Kazarina L. A., Kazarina M. V. Tendencii i problemy razvitiya rossijskoj akademicheskoy nauki v sovremennykh usloviyakh // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2018. № 2 (43). S. 132.
- ³ Sm.: Sobkin V. S., Andreeva A. I., Rzaeva F. R. Otnoshenie uchenykh k reformirovaniyu rossijskoj nauki ob obrazovanii (po materialam sociologicheskogo oprosa) // Cennosti i smysly. 2017. № 4 (50). S. 42.
- ⁴ Sm.: Nacional'nye projekty: celevye pokazateli i osnovnyye rezul'taty. URL: <https://obraz.tmbreg.ru/images/doc/2019/022019/inf%20nauka.pdf> (data obrashcheniya: 18.02.2019).
- ⁵ Sm.: Kravec YU. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie v oblasti nauki. S. 168.
- ⁶ Sm.: Kazarina L. A., Kazarina M. V. Tendencii i problemy razvitiya rossijskoj akademicheskoy nauki v sovremennykh usloviyakh. S. 133.
- ⁷ Sm.: Borisenko L. V. Metod administrativno-pravovogo regulirovaniya v sfere gosudarstvennogo upravleniya sistemoy obrazovaniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. № 2. S. 250.
- ⁸ Sm.: Petrova E. S. Rol' i osobennosti akkreditatsii i licenzirovaniya v sfere rossijskogo obrazovaniya: pravovoy aspekt // Chelovecheskiy kapital. 2015. № 10 (82). S. 16.
- ⁹ Sm.: Gol'tyapina I. YU. Problemy pravovogo obespecheniya gosudarstvennogo upravleniya sistemoy obrazovaniya v Rossii // Innovacionnye projekty i tekhnologii v obrazovanii, promyshlennosti i na transporte : materialy nauch. konf., posv. Dnyu Rossijskoj nauki (g. Omsk, 8 fevralya 2018 g.). Omsk, 2018. S. 63.
- ¹⁰ Sm.: Lapteva N. V., Martyshkin A. S. Analiz sovremennogo sostoyaniya gosudarstvennogo upravleniya sistemoy vysshego obrazovaniya v rossijskoj Federacii // Vestnik SamGU. 2015. № 5 (127). S. 174.
- ¹¹ Sm.: Ermolaev M. B., Mirolyubova A. A. Problemy i disproporcii rossijskoj nauki i obrazovaniya v konce XX – nachale XXI veka // Teoreticheskaya ekonomika. 2015. № 5 (29). S. 76.
- ¹² Sm.: Ivan'ko N. A. Rol' sistemy obrazovaniya v formirovanii innovacionnogo potentsiala sovremennogo rossijskogo obshchestva // Vestnik MGUKI. 2016. № 5 (73). S. 183.
- ¹³ Sm.: Sobkin V. S., Andreeva A. I., Rzaeva F. R. Otnoshenie uchenykh k reformirovaniyu rossijskoj nauki ob obrazovanii (po materialam sociologicheskogo oprosa). S. 35–36.
- ¹⁴ Sm.: Nekrasov S. I. O vzaimosvyazannykh processakh «ocifrovaniya» sovremennoj rossijskoj nauki i obrazovaniya // Obrazovanie i nauka. 2018. T. 20. № 2. S. 173.

¹⁵ См.: Пекер И. Ю. Интернационализация образования и науки как средство повышения конкурентоспособности российских университетов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2018. № 8. С. 154.

¹⁶ См.: Брагинская Н. В. *Своя користь* // *Русский журнал* (russ.ru) : ежедневное российское обществено-политическое интернет-издание. 2007. 16 марта.

¹⁷ См.: Садовничий В. А. О будущем российского образования // *Московская правда*. 2004. 28 сент.

¹⁸ См.: Makeeva N. K., SHCHetinin A. A. Aktual'nye voprosy administrativno-pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere obrazovaniya v Rossijskoj Federacii // *Aktual'nye voprosy konstitucionnogo i administrativnogo prava* : sb. materialov vseros. nauch.-teoret. konf. (g. Rostov-na-Donu, 28 fevralya 2017 g.). Rostov n/D, 2017. С. 88.

¹⁹ См.: Романова М. В., Танеева Е. Ш. Prioritety razvitiya obrazovaniya v Rossii: istoricheskij aspekt // *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2014. № 5 (52). С. 176.

²⁰ См.: Zinov'eva E. G., Usmanova E. G. Analiz effektivnosti i rezul'tativnosti sfery obrazovaniya v razreze federal'nyh okrugov Rossijskoj Federacii // *Tendencii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizaciya, obshchestvo – 2018* : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (g. CHEboksary, 20–23 avgusta 2018 g.) / pod red. ZH. V. Murzinoj. CHEboksary, 2018. С. 155.

²¹ См.: Некрасов С. И. О взаимосвязанных процессах «оцифровки» современной российской науки и образования. С. 175.

Социально-правовые особенности коррупционной преступности в органах местного самоуправления¹

Л. Л. БЛАШКОВА – соискатель юридического института Югорского государственного университета

Коррупционная преступность имеет достаточно большое количество специфических характеристик в зависимости от сферы государственного или муниципального управления. Эти особенности необходимо выявлять и систематизировать с целью последующего планирования антикоррупционных мероприятий. Местное самоуправление представляет собой малоизученную сферу с точки зрения противодействия коррупционным проявлениям со стороны как муниципальных служащих, так и местного населения. В работе представлен анализ специфических особенностей коррупционной преступности в местных органах власти, результаты которого могут учитываться в процессе предупреждения и профилактики данного социально-негативного явления.

Ключевые слова: коррупционная преступность; местное самоуправление; должностное преступление; структура преступности; антикоррупционное законодательство; муниципальное право.

Social and legal features of corruption crime in local government

L. L. BLASHKOVA – Applicant to the Law Institute of Ugra State University

Corruption criminality has a fairly large number of specific characteristics depending on the scope of state or municipal government. These features must be identified and systematized for the purpose of subsequent planning of anti-corruption measures. Local government is a poorly understood area in terms of countering corruption, both by municipal employees and the local population. The paper presents an analysis of the specific features of corruption crime in local authorities, the results of which can be taken into account in the process of preventing and preventing this socially negative phenomenon.

Key words: corruption crime; local government; malfeasance; crime structure; anti-corruption legislation; municipal law.

Коррупционная преступность оказывает крайне негативное воздействие на функционирование всех органов власти. Это связано с ее как качественной, так и количественной составляющими. Первая представляет собой вред, причиняемый государственно-му и муниципальному аппарату в результате совершения коррупционных преступлений. Количественная составляющая характеризуется большим числом совершаемых правонарушений коррупционной направленности. Последнее может не всегда подтверждаться официальными статистически-

ми данными о количестве регистрируемых должностных преступлений и числе граждан, осужденных за их совершение. Тем не менее новейшими криминологическими исследованиями доказано, что коррупционная преступность обладает высокой степенью латентности¹. Сделанные учеными-криминологами и социологами выводы находят свое подтверждение в нормативных актах, определяющих стратегические направления государственной политики России на ближайшее время. Так, в соответствии с п. 43 Указа Президента Российской Феде-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Администрации г. Ханты-Мансийска, оказанной в соответствии с договорами от 13.07.2018 № 05.5/18-ЮГУ-109, № 05.5/18-ЮГУ-110.

рации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» коррупция обозначена в качестве одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации², а в настоящее время стал реализовываться национальный (общефедеральный) план противодействия коррупции, рассчитанный на 2018–2020 гг.³ Здесь же следует отметить, что антикоррупционные мероприятия, реализация которых предусмотрена указанным планом, предполагается осуществить в органах как государственной (федеральной, региональной) власти, так и местного самоуправления.

Значимость деятельности местных органов власти под сомнение никогда не ставилась, поскольку именно на их уровне решается значительное количество вопросов, связанных с обеспечением повседневной жизни граждан, созданием условий для предпринимательской деятельности и др. В то же время специфика коррупционной преступности в органах местного самоуправления долгое время оставалась вне поля научных исследований. Это обстоятельство негативно сказалось на развитии законодательства, регламентирующего противодействие коррупционным проявлениям в данной сфере.

Местное самоуправление как самостоятельный вид реализации властно-управленческой деятельности осуществляется в пределах территории муниципального образования: городских и сельских поселений, муниципальных районах, городских округах (в том числе во внутригородских районах) и на внутригородских территориях городов федерального значения. Как и любой властный субъект, представители местной администрации обладают определенным кругом полномочий, необходимых для выполнения задач и обеспечения интересов муниципальной службы. Эти полномочия сводятся: к принятию нормативных актов, распространяющих свое действие на всю территорию соответствующего муниципального образования; осуществлению хозяйственной деятельности, в том числе путем создания и финансирования муниципальных предприятий и учреждений, а также осуществления в их отношении специальной тарифной политики, если это не противоречит федеральному и региональному законодательству; принятию и реализации социальных, экономических, политических и иных программ местного значения и др. Для надлежащего решения задач самоуправления и реализации перечисленных

полномочий должностные лица местной администрации уполномочены на самостоятельное осуществление муниципального контроля, который распространяется в том числе и на хозяйствующих субъектов, зарегистрированных и (или) осуществляющих экономическую деятельность на территории муниципального образования.

Для обеспечения надлежащей деятельности органов местного самоуправления необходимы экономические ресурсы, за счет которых осуществляется финансирование всех программ, реализуемых в пределах территории муниципального образования. Такую экономическую основу местного самоуправления в соответствии с действующим законодательством представляют: 1) имущество, находящееся в муниципальной собственности, 2) средства местного бюджета и 3) имущественные права муниципального образования.

Имущество, находящееся в муниципальной собственности, должно иметь целевое назначение, то есть его использование должно обеспечивать решение задач, которые ставятся перед местным самоуправлением. Иное имущество, не отвечающее этим требованиям, должно быть или перефилировано, или отчуждено в пользу третьих заинтересованных лиц. Основания и порядок производства такого отчуждения определяются действующим законодательством.

Каждое муниципальное образование имеет собственный бюджет, который представляет собой отдельный элемент бюджетной системы Российской Федерации. Органы местного самоуправления уполномочены на самостоятельное осуществление всех действий, связанных с формированием и исполнением местного бюджета. Расходование бюджетных средств, а равно контроль правильности их использования проводятся представителями государственной и муниципальной власти в соответствии с предоставленными полномочиями. Источники формирования местных бюджетов (доходы) определяются в соответствии с бюджетным законодательством (субвенции, субсидии и др.) и законодательством о налогах, сборах и иных обязательных платежах. При этом граждане могут осуществлять дополнительные сборы денежных средств – самообложение – для решения конкретных вопросов местного значения.

В соответствии с действующим законодательством России органы местного самоуправления не включаются в общую си-

стему органов государственной власти, но также выступают управомоченной стороной в публичных правоотношениях, связанных с реализацией властно-управленческих полномочий на местах. Поэтому статус должностного лица как субъекта совершения коррупционного преступления присущ и государственному, и муниципальному служащему при наличии иных юридически значимых признаков.

Отличительной особенностью современного кадрового аппарата органов местного самоуправления является его многочисленность, а также наличие широких полномочий в разрешительной сфере и хозяйственной деятельности на территории муниципальных образований. Поэтому коррупция в органах местного самоуправления обладает значительным количеством признаков, которые свойственны и коррупции в органах государственной власти и управления. Учитывая данные обстоятельства, представляется необходимым определить следующие характеристики коррупционной преступности в местных органах власти:

- количественные показатели, характеризующие степень распространенности, причиняемый вред и др.;
- социальные показатели, представляющие собой детерминанты изучаемого явления;
- особенности учета совершаемых преступлений и правонарушений, в том числе степень латентности;
- качественные характеристики преступности, отражающие устойчивость коррупционных связей, организованность, длительность существования и др.

Таким образом, можно заключить, что использование при изучении коррупционной преступности в органах местного самоуправления только данных официальной статистики о количестве возбужденных уголовных дел и лиц, привлеченных к различным видам юридической ответственности, явно недостаточно для проведения объективного и всестороннего исследования, формулирования предложений о противодействии данному социальному явлению. В современной научной литературе справедливо указывается на то, что анализ преступности вне зависимости от ее вида должен быть ориентирован на выявление качественных и количественных характеристик, а также на установление их внутренних взаимосвязей и взаимозависимости. Качественные характеристики предполагают установление сущности изучаемого яв-

ления, границ его распространения и иных социально-правовых особенностей. Сюда же авторы относят характеристики системности преступности, а именно: элементы, структуру, устойчивость, изменчивость и др.

Статистические данные отражают преимущественно количественные характеристики, с помощью которых можно проанализировать динамику распространения негативных явлений и в какой-то степени эффективности мер, предпринимаемых для противодействия коррупционной преступности⁴.

Для всестороннего изучения феномена коррупционной преступности муниципальных служащих прежде всего необходимо изучить следующие виды источников: 1) обобщенные статистические данные о состоянии преступности; 2) отчетность муниципальных служащих о полученных доходах и произведенных расходах в истекшем году (как правило, декларируемые сведения размещаются на официальных сайтах местных органов государственной власти и касаются не только самих должностных лиц, но и членов их семей); 3) итоговые решения по уголовным делам, возбужденным в отношении муниципальных чиновников по фактам совершения коррупционных преступлений (официальные сайты судебных органов, электронные базы данных судебных решений, находящиеся в открытом доступе); 4) материалы социологических, экономических и криминологических исследований, включая результаты анкетирования и опросов граждан.

В первую очередь при оценке любого вида преступности изучаются ее официальные статистические показатели, однако в случае исследования преступности в органах местного самоуправления возникает объективная трудность: в официальной отчетности, утвержденной совместным указанием Генеральной прокуратуры и МВД России от 27.12.2017, определяется только общая группа преступлений коррупционной направленности⁵. По этой причине точный анализ структуры и динамики обозначенного вида преступности в настоящее время осуществить не представляется возможным.

Состояние преступности определяется количеством совершенных преступлений за конкретный период времени и на определенной территории. Анализировались данные за период с 2012 по 2017 г.: количество совершенных преступлений на территории Российской Федерации. Так, в течение указанного периода было совершено 74 143

преступления коррупционной направленности, причем показатели за каждый год демонстрировали устойчивую положительную динамику: 2012 г. – 6014; 2013 г. – 8607; 2014 г. – 10 784; 2015 г. – 11 499; 2016 г. – 19 905; 2017 г. – 17 334⁶. Разумеется, приведенные данные являются только частью действительной количественной характеристики коррупционной преступности, поскольку ее значительная часть – латентная преступность – не находит своего отражения в официальной отчетности.

Структура коррупционной преступности в настоящее время определяется совершением таких преступлений, которые обладают следующими юридически значимыми признаками: 1) совершаются лицами, имеющими определенный правовой статус. Прежде всего это должностные лица, правовое положение которых описывается в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, а также лица, которые в силу занимаемой должности наделены управленческими полномочиями (функциями) в коммерческой и иной организации (примечание к ст. 201 УК РФ); 2) совершение преступления происходит в процессе реализации субъектом своих профессиональных функций или при использовании своего правового положения в целях, противоречащих интересам государственной, муниципальной службы, а равно законным интересам коммерческой или иной организации; 3) наличие у субъекта коррупционной деятельности корыстной мотивации: получение материальной выгоды или иной выгоды имущественного характера для себя или третьих лиц; 4) наличие только прямого умысла на совершение преступных действий коррупционного характера.

Кроме этого, в соответствии с международными соглашениями о правовой помощи в области противодействия коррупции также к разновидности коррупционных преступлений в настоящее время относятся деяния, совершаемые рядовыми гражданами, которые не имеют специального правового статуса (должностное лицо и др.), но своими противоправными действиями создают условия для незаконного получения государственным или муниципальным служащим, а равно лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, имущества и иных имущественных прав, выгод и т. п.

В данных статистического учета безальтернативное признание коррупционными закреплено в отношении следующих уголовно наказуемых деяний: нарушение по-

рядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ), контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ), контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, если эти деяния совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

В то же время общее количество преступлений (кроме перечисленных), которые при определенных условиях также могут признаваться коррупционными, превышает 30 видов. К ним относятся, например, злоупотребление полномочиями и превышение полномочий (ст. 285, 286 УК РФ), квалифицированные составы мошеннических дей-

ствий (ч. 2–7 ст. 159 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ) и др.

Таким образом, коррупционная преступность в органах местного самоуправления представляет собой достаточно сложное социально-правовое явление, изучение которого имеет значительную сложность по причине отсутствия форм специального статистического учета. Одной из особенностей коррупционных преступлений против интересов муниципальной службы является предмет преступного посягательства – денежные средства и иные бюджетные ресурсы, муниципальное имущество и др.

Учитывая данные обстоятельства, можно сделать вывод об обязательном присутствии

корыстной мотивации при совершении того или иного преступления, относящегося к разновидности коррупционного.

Кроме этого, одной из особенностей коррупционной преступности в местных органах власти является ее повышенная латентность. По оценкам различных специалистов, в действительности выявляется лишь малая часть от общего количества фактически совершаемых преступлений⁷. Это обстоятельство указывает на необходимость разработки комплексных мер, направленных на повышение эффективности выявления коррупционных преступлений в органах местного самоуправления, а равно их предупреждение и профилактику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Болотова А. А. К вопросу о степени коррупции в федеральных и муниципальных органах государственной власти глазами орловцев // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 4. С. 10; Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 184.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

³ См.: О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы : указ Президента Рос. Федерации от 29.06.2018 № 378 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 27. Ст. 4038.

⁴ См.: Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 92–93.

⁵ См.: О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : перечень № 23, определяемый Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 870/11 и Министерством внутренних дел Российской Федерации № 1 от 27.12.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Раздел 6 формы № 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности» за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 и 2017 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 30.09.2018).

⁷ См.: Гилинский Я. И. Коррупция: теория, российская реальность, социальный контроль // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2003. № 1. С. 238–255.

¹ Sm.: Bolotova A. A. K voprosu o stepeni korrupcii v federal'nyh i municipal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti glazami orlovcev // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2016. № 4. S. 10; Krivencov P. A. Latentnaya prestupnost' v Rossii: kriminologicheskoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014. S. 184.

² Sm.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2016. № 1 (ch. II). St. 212.

³ Sm.: O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018–2020 gody : ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 29.06.2018 № 378 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2018. № 27. St. 4038.

⁴ Sm.: Kriminologiya : ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. A. I. Dolgovoj. M., 2005. S. 92–93.

⁵ Sm.: O vvedenii v dejstvie perechnej statej Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ispol'zuemyh pri formirovanii statisticheskoi otchetnosti : perechen' № 23, opredelyaemyj Ukazaniem General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii № 870/11 i Ministerstvom vnutrennih del Rossijskoj Federacii № 1 ot 27.12.2017. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

⁶ Sm.: Razdel 6 formy № 10.4.1 «Otchet o rezul'tatah rassmotreniya ugolovnyh del po otdel'nym stat'yam Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii po vstupivshim v zakonnyu silu prigovoram i drugim sudebnym postanovleniyam, v tom chisle po prestupleniyam korrupcionnoj napravlenosti» za 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 i 2017 gg. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (data obrashcheniya: 30.09.2018).

⁷ Sm.: Gilinskij YA. I. Korrupciya: teoriya, rossijskaya real'nost', social'nyj kontrol' // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2003. № 1. S. 238–255.

УДК 343.1

Перевод осужденного из исправительного учреждения в следственный изолятор: проблемы процессуального регулирования и прокурорского надзора

С. В. БОГДАНОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России

В статье анализируется обоснованность существующего порядка перевода осужденных к лишению свободы из исправительных учреждений в следственный изолятор на основании постановления следователя, его соответствие действующему уголовно-процессуальному законодательству, а также проблемы прокурорского надзора при решении данного вопроса.

Ключевые слова: перевод осужденного; следственный изолятор; прокурорский надзор.

Transfer of convicts from a correctional institution to a pre-trial detention center: problems of procedural regulation and prosecutor's supervision

S. V. BOGDANOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational search of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the validity of the existing procedure for transferring convicts sentenced to imprisonment from correctional institutions to a remand prison on the basis of a resolution of the investigator, its compliance with the current criminal procedure legislation as well as the problems of prosecutorial supervision in resolving this issue.

Key words: transfer of the convict; remand prison; prosecutor supervision.

Одной из основных функций органов прокуратуры Российской Федерации является надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, местами содержания задержанных и заключенных под стражу.

О значимости данного вида надзора свидетельствует тот факт, что ему посвящена отдельная глава Федерального закона Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 27.12.2018) «О прокуратуре Российской Федерации»¹, которой определен предмет и полномочия прокурора по указанному направлению деятельности.

В то же время формулировка предмета надзора носит общий (обобщенный) харак-

тер и конкретизируется в иных нормативных актах, регулирующих порядок и условия нахождения в местах содержания задержанных, предварительного заключения, исправительных и иных органах и учреждениях, исполняющих наказание и меры принудительного характера, назначаемые судом.

В ряде случаев отдельные нормы УИК РФ, как представляется, противоречат нормам процессуального законодательства, влияя в том числе на должную организацию прокурорского надзора по обеспечению конституционных прав осужденных.

Так, согласно ч. 1 ст. 77.1 УИК РФ при необходимости участия в следственных действиях в качестве свидетеля, потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) осужденные к лишению свободы с отбыванием нака-

зания в исправительном учреждении могут быть оставлены в следственном изоляторе либо переведены в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений на основании мотивированного постановления следователя с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации или его заместителя либо приравненного к нему руководителя специализированного следственного органа или его заместителя, руководителя территориального следственного органа по субъекту Российской Федерации следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти) или его заместителя – на срок, не превышающий двух месяцев; с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации или его заместителя, руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти) – на срок до трех месяцев, а также на основании постановления дознавателя с согласия прокурора субъекта Российской Федерации или его заместителя либо приравненного к нему прокурора или его заместителя – на срок, не превышающий двух месяцев, а с согласия Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя – на срок до трех месяцев.

Следует согласиться с высказываемым отдельными учеными и практиками мнением о наличии пробелов в данной формулировке в части несоответствия установленных для оставления или перевода осужденного из исправительного учреждения в СИЗО сроков в 2–3 месяца с соответствующими статьями УПК РФ, закрепляющими сроки предварительного следствия и дознания, в том числе с учетом их возможного продления, а также неполного перечисления исправительных учреждений².

Полагаем, что более серьезная проблема заключается в необходимости изменения самого процессуального порядка оставления либо перевода осужденных в следственный изолятор.

Исходя из содержания ст. 77.1 УИК РФ, речь идет о лицах, осужденных к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительных учреждениях, то есть о лицах, в отношении которых в установленном законом порядке судом вынесен обвинительный

приговор, где определен не только срок наказания, но и соответствующий режим исправительного учреждения.

Только после вступления приговора суда в законную силу лицо приобретает статус «осужденного» с вытекающими отсюда для него обязанностями и правами.

Естественно, что осужденные, прибывая в исправительные учреждения для отбывания наказания, попадают в сферу надзорной деятельности органов прокуратуры, которая приказом Генерального прокурора от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»³ определена как одно из важных направлений по защите конституционных прав и законных интересов граждан.

Вместе с тем считаем, что существующий порядок оставления или перевода осужденного в следственный изолятор не только нарушает конституционные права осужденных, но и противоречит действующему УПК РФ.

В частности, исходя из положений ст. 77.1 УИК РФ, оставление или перевод осужденного происходит на основании постановления следователя, по сути – с санкции заместителя либо руководителя следственного органа уровня субъекта Российской Федерации. Данным постановлением следственных органов, пусть и на два месяца, но изменяются порядок и условия содержания осужденного, установленные приговором суда.

Таким образом, гражданин помещается в исправительное учреждение на основании решения суда (приговора); обеспечение данного судебного решения, соблюдение условий, порядка, сроков отбывания наказания, прав и обязанностей осужденного осуществляется органами исполнения наказаний; надзор за деятельностью этих органов в части соблюдения требований законодательства по отбыванию наказания гражданином исполняют органы прокуратуры.

Возникает закономерный вопрос: почему при всем этом решение о переводе из исправительного учреждения в следственный изолятор, то есть в условия более жесткие и строгие по сравнению с исправительным учреждением, принимаются органами предварительного следствия самостоятельно: не только без участия суда, органов ФСИН России и прокуратуры, но даже без пред-

варительного согласования о принимаемом решении с кем-либо из них?

В соответствии со ст. 29 УПК РФ только суд правомочен признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание, отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом, избрать меру пресечения в виде заключения под стражу и продлить этот срок.

Исходя из требований ст. 108–109 УПК РФ при рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо ее продлении обязательно участие прокурора.

Согласно ст. 392 УПК РФ вступившие в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

Производству по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, посвящена гл. 47 УПК РФ. Однако ни в одной из статей вышеуказанной главы не упоминается о ситуации оставления либо перевода осужденного из исправительного учреждения в следственный изолятор.

Очевидно, что если осужденный оставляется или переводится в следственный изолятор как свидетель или потерпевший, то осужденным он не перестает быть, а основной статус, влияющий на его права и свободы, фактически не меняется. Их обеспечение и соблюдение осуществляются органами ФСИН России и прокуратуры. Представляется, что поскольку сам факт оставления или перевода осужденного в СИЗО ухудшает его положение, то принимать такое решение без согласия суда и органов прокуратуры исключительно органы следствия не должны.

В данной ситуации наиболее целесообразным видится внесение соответствующих дополнений в ст. 397 УПК РФ, содержащую перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, со ссылкой на ст. 77.1 УИК РФ и установлением ограничения по срокам таких оставлений или переводов, аналогичным ныне действующим.

Оставление или перевод осужденного в следственный изолятор при необходимости его участия в следственных действиях в качестве подозреваемого (обвиняемого) требует самостоятельной регламентации,

поскольку вопрос ухудшения положения лица в данной ситуации носит иной характер. Несмотря на то что лицо уже осуждено и отбывает наказание, на первый план выходят публичные интересы по защите общества и государства от его преступных действий, наказание за которое он еще не понес. При этом основным процессуальным положением данного лица в уголовном судопроизводстве будет подозреваемый (обвиняемый) со всеми вытекающими отсюда ограничениями в правах, в том числе по порядку содержания в условиях следственного изолятора.

В данном случае порядок оставления либо перевода по своей сути будет близок к процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и продление этих сроков должно осуществляться в порядке ст. 108–110 УПК РФ.

Вышеуказанные изменения восполнят отсутствие в действующей редакция ст. 77.1 УИК РФ и иных нормативных актах такого пробела, как необходимость направления прокурору копии принятого решения об оставлении или переводе осужденного в следственный изолятор.

Конечно, в настоящее время на практике при принятии решения об оставлении или переводе осужденного из исправительного учреждения в следственный изолятор копия соответствующего постановления следователем направляется прокурору. Но какому? Как правило, надзирающему. То есть тому прокурору, кто осуществляет непосредственный надзор за ходом предварительного следствия по уголовному делу, по которому принято вышеуказанное решение, а не спецпрокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законов в исправительных учреждениях в соответствии с приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 (ред. от 14.11.2018) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур»⁴.

С учетом данного приказа в системе прокуратуры Российской Федерации надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, осуществляют всегда разные прокуроры – так называемые территориальные и спецпрокуроры.

То есть принимаемое следователем решение об оставлении или переводе осужденного в следственный изолятор находится на стыке надзорных функций двух самостоятельных прокуроров, каждый из которых должен одновременно и своевременно получать от поднадзорных органов соответствующую информацию.

Данный вопрос в настоящее время должным образом не урегулирован, однако предлагаемые изменения позволят реализовывать прокурорам свои надзорные полномочия до момента принятия решения об оставлении или переводе осужденного в следственный изолятор.

Аналогичный порядок должен предусматриваться также в случае необходимости участия осужденного в следственных действиях по уголовным делам, находящимся в производстве органов дознания или суда. Представляется, что основным критерием определения процессуального порядка оставления или перевода осужденного к лишению свободы из исправительного учреждения в следственный изолятор следует считать не орган, который заинтересован в его переводе, а тот дополнительный процессуальный статус, который он приобретет в связи с переводом (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Карчевский А. В. Проблемы и особенности содержания осужденных к лишению свободы в порядке ст. 77.1 УИК РФ. URL: <https://www.irkproc.ru/qa/2137.html> (дата обращения: 07.04.2019); Чернышенко Е. В. Проблемы реализации положений статьи 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 44–47.

³ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

² Sm.: Karchevskij A. V. Problemy i osobennosti sodержaniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody v poryadke st. 77.1 UIK RF. URL: <https://www.irkproc.ru/qa/2137.html> (data obrashcheniya: 07.04.2019); CHernyshenko E. V. Problemy realizacii polozhenij stat'i 77.1 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4 (32). S. 44–47.

³ Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

⁴ Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

УДК 343.102

Законодательное обеспечение использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

Б. Я. ГАВРИЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье анализируются проблемы законодательного обеспечения возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. С этой целью автор обращается к позиции ученых, признающих возможность использования этих результатов в расследовании по уголовным делам, а также к авторам, отмечающим в своих публикациях несовершенство действующего законодательства, препятствующего этим процессам. Одновременно исследует складывающуюся судебную и следственную практику применения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, а также позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который допускает такую возможность, что дает основание сделать вывод, что в совокупности с иными доказательствами использование по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания возможно.

Ключевые слова: следователь; дознаватель; орган дознания; оперативно-розыскная деятельность; уголовно-процессуальная деятельность; результат оперативно-розыскной деятельности.

Legislative support of the use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings

B. YA. GAVRILOV – Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Search Activity of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

The article analyzes the problems of legislative provision of opportunities to use the results of operational investigative activities in criminal proceedings. To this purpose the author refers to the position of scientists who recognize the possibility of using these results in criminal investigations as well as to the authors, who note in their publications the imperfection of the current legislation that impedes these processes. At the same time it investigates the evolving judicial and investigative practice of applying the results of operational investigative activities in criminal proceedings as well as the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, which allows for such a possibility, which leads to the conclusion that in conjunction with other evidence the use of operational investigative results in a criminal case activities in the process of proving is possible.

Key words: investigator; inquiry officer; body of inquiry; operational search activity; criminal procedure; result of operational searching.

Среди проблем раскрытия и расследования преступлений в современный период одной из наиболее актуальных является использование в процессе расследования уголовного дела возможностей применения в доказывании в допустимых пределах

результатов оперативно-розыскной деятельности. И это при том, что значимость познавательных ресурсов, полученных оперативно-розыскным путем, признается большинством специалистов (В. А. Азаров и В. В. Константинов¹, Е. А. Доля², О. Д. Жук³,

М. П. Поляков⁴, Н. В. Павличенко⁵ и ряд других российских ученых).

В этой связи обращает на себя внимание публикация С. Б. Россинского⁶ по материалам состоявшейся 24–25 мая 2018 г. в Восточно-Сибирском институте МВД России конференции. Уже из названия статьи можно достаточно определенно высказаться о позиции ее автора в части необходимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Наряду с позицией признания необходимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в производстве по уголовным делам в российской уголовно-процессуальной науке присутствует и противоположная точка зрения, например В. И. Зажицкого⁷ и ряда других авторов, о невозможности непосредственного использования результатов рассматриваемой деятельности в качестве средств доказывания по уголовному делу. В качестве основных аргументов выдвигается тезис о процессуальной недоброкачественности таких сведений, их определенной ущербности по сравнению с предусмотренными УПК РФ источниками доказательств, поскольку получены они без соблюдения процессуального режима и, соответственно, без обеспечения участников уголовного процесса соответствующими гарантиями (Ю. В. Астафьев⁸, И. Л. Петрухин⁹ (последний писал об этом еще задолго до принятия УПК РФ)).

Относительно данной позиции С. Б. Россинский отмечает, что существующие противоречия правовой теории с реальными потребностями правоприменительной практики привели к непоследовательности законодателя при формировании нормативной базы, обусловили возникновение существующей коллизии, выраженной в отсутствии системного единства между положениями уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

В этой связи, соглашаясь с позицией С. Б. Россинского, следует отметить, что, с одной стороны, федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю, в суд¹⁰, согласованная с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации, предусматривают возможность передачи в распоряжение следователя, дознавателя или суда результатов оперативно-розыскных мероприятий.

С другой стороны, установленные ст. 89 УПК РФ процессуальные правила фактически призваны заблокировать возможность их использования в процессе доказывания по причине несоответствия требованиям уголовно-процессуальной формы ввиду изначально существующей дифференциации правовых режимов оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства. Поэтому следует согласиться с позицией С. Б. Россинского.

Формально это утверждение обусловлено правовым содержанием ст. 89 УПК РФ, предусматривающей, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности». А далее следует другая часть текста: «если они (эти результаты – *прим. Б. Г.*) не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» по УПК РФ. И вот на эту составляющую ст. 89 УПК РФ указывают в своих публикациях профессор В. И. Зажицкий, профессор М. П. Поляков и другие оппоненты, вполне обоснованно критикуя данную уголовно-процессуальную норму. Одновременно практикующие юристы, включая следователей, дознавателей, оперативных сотрудников, всегда отмечают, что с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности сегодня раскрываются, а в дальнейшем успешно расследуются, как правило, все заказные убийства, преступления, совершенные в составе банды, преступного сообщества (преступной организации) и другие, без чего это сделать было бы невозможно¹¹.

Учитывая сложившуюся правовую неопределенность в науке и на практике, примером чему является приведенная выше инструкция, регулярно ставится вопрос о выработке конкретного правового механизма в целях обеспечения возможности уголовно-процессуальной легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу. Большинство авторов традиционно позиционируют эти сведения как некий гносеологический фундамент, на котором в дальнейшем могут быть сформированы полноценные доказательства (Ю. В. Астафьев и др.). Эта же идея находит поддержку в практике Конституционного Суда Российской Федерации¹².

По нашему мнению, подобные позиции представляются излишне затеоретизированными и в значительной степени надуманными, имеющими значение очередных теоретических «изысков», коих в российской уголовно-процессуальной науке сегод-

ня предостаточно. На их несостоятельность указывает ряд факторов:

– действующий УПК РФ не содержит в себе конкретных механизмов, позволяющих приобщить материалы оперативно-розыскной деятельности к уголовному делу в качестве доказательств путем придания им определенной процессуальной формы, поскольку следователи, дознаватели и судьи не наделены возможностью ввести эти материалы в уголовный процесс посредством каких-либо процессуальных действий в силу того, что уголовно-процессуальный закон таких действий не предусматривает;

– если бы УПК РФ и устанавливал подобные механизмы, они не смогли бы разрешить сущность данной проблемы, поскольку позволили бы лишь технически приобщать результаты оперативно-розыскных мероприятий к уголовному делу, без изменения их правовой природы и придания им конкретной уголовно-процессуальной формы;

– никакие следственные, судебные или иные процессуальные действия не позволяют применить к уже произведенным оперативно-розыскным мероприятиям процессуальные гарантии доброкачественности их проведения, как это предусмотрено нормами УПК РФ применительно к конкретным следственным действиям. И тем самым никакие процессуальные «манипуляции» с нормами уголовно-процессуального закона не позволят полученным оперативно-розыскным путем конкретным результатам, подтверждающим участие лица в совершении преступления, придать «некую» процессуальную форму в силу того, что ни следователь, ни дознаватель, ни судья не в состоянии какими-либо процессуальными действиями восстановить те фактические обстоятельства совершенного преступления, которые уже восприняты оперативными сотрудниками.

Тем самым, сколько угодно рассуждая о процессуальной непригодности результатов оперативно-розыскных мероприятий, невозможно отрицать сам факт обнаружения и изъятия сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, следов, существующих в объективной реальности и имеющих значение для последующего расследования уголовного дела.

Поэтому выработанные на сегодняшний день прикладные технологии так называемого «формирования» доказательств на основе оперативно-розыскных материалов сводятся к представлению результа-

тов данной деятельности для приобщения к уголовному делу на основании норм оперативно-розыскного права. Тем самым правоприменители в лице следователя, дознавателя и прокурора предлагают некие «обходные пути», с которыми суды в своих приговорах соглашаются, расценивая приобщенные к уголовному делу материалы оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, связывая их процессуальную доброкачественность исключительно с соблюдением сотрудниками органов дознания требований федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Данный феномен с точки зрения уголовного процесса сегодня объясняется реализацией положений ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. И тем самым в случае, если результаты оперативно-розыскной деятельности соответствуют требованиям федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», они могут быть в последующем использованы следователем, дознавателем, судом в материалах уголовного дела.

Здесь следует исходить из того, что материалы рассматриваемой деятельности формируются за пределами сферы уголовно-процессуальных отношений, и в уголовное дело они представляются уже будучи сформированными в окончательном виде. И сегодня практика их признания полноценными доказательствами осуществляется в режиме правовой аналогии к механизму процессуальной легализации иных документов, которая сводится к некому процессуальному решению об их приобщении к уголовному делу. И если для судебного производства порядок принятия такого решения в определенной степени регламентирован ст. 286 УПК РФ, то в стадии предварительного расследования такой порядок законодателем не установлен. И, видимо, по этой причине некоторые авторы видят выход из рассматриваемой проблемы посредством введения в уголовный процесс результатов оперативно-розыскной деятельности (В. А. Семенцов и В. Ю. Сафонов¹³, С. А. Шейфер¹⁴) через понятие «иные документы».

Но здесь надо полагать, что представители научного сообщества исходят из того довода, что сугубо формально иными документами могут быть признаны любые объ-

екты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности материалы оперативно-розыскной деятельности. Данная позиция находит поддержку и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹⁵.

Однако с высказанной выше позицией согласиться достаточно сложно, поскольку предоставляемые оперативной службой документы содержат в себе сведения, сообщенные не специально уполномоченными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а некими «третьими» лицами, представляющими орган дознания. Тем самым материалы оперативно-розыскных мероприятий формируют сотрудники правоохранительных органов, пусть в рамках непроцессуальных, но достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур. Тем более что и сама ст. 89 УПК РФ специально выделяет результаты оперативно-розыскной деятельности из всей массы информации, придавая им тем самым значимость для уголовного дела.

Изложенное выше позволяет сформулировать отвечающий реальным потребностям правоприменения вывод о том, что возможный вариант решения проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам заключается в легализации механизмов их непосредственного введения в уголовный процесс.

Отвергать возможность прямого использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности абсолютно бессмысленно. Наоборот, это необходимо узаконить, придать этому должный правовой характер. Поэтому сегодня многие ученые¹⁶, в том числе и автор, вполне обоснованно ставят перед законодателем вопрос о необходимости прямого использования в доказывании материалов оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем при разрешении данной проблемы следует учитывать ряд следующих обстоятельств:

1) действующая ст. 89 УПК РФ, редакцию которой вполне обоснованно критикует как научное сообщество, так и практикующие юристы, была принята в результате достигнутого компромисса в рабочей группе по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению (*автор входил в эту рабочую группу*). Предыдущие УПК РСФСР такой процессуальной нормы в себе не содержали;

2) число процессуальных норм в УПК РФ, в которых речь идет об оперативно-розыскной деятельности, более чем в два раза

превосходит количество таких норм по УПК РСФСР 1960 г.;

3) законодательства большинства стран с устоявшейся системой уголовного правосудия эту проблему уже разрешили. Например, уголовно-процессуальное законодательство Италии содержит в своих нормах главу, предусматривающую использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании организованной преступности. В УПК Украины (гл. 21 «Негласные следственные (розыскные) действия»), УПК Республики Казахстан (гл. 30 «Негласные следственные действия»), а с 1 января 2019 г. и в УПК Республики Кыргызстан (гл. 31 «Специальные следственные действия») содержатся нормы, предусматривающие возможность производства так называемых специальных (негласных, розыскных) следственных действий.

К вопросу о том, как эти нововведения могут быть восприняты в первую очередь практикующими юристами, следует пояснить, что еще в рамках УПК РСФСР Федеральным законом от 20.03.2001 № 26-ФЗ¹⁷ была введена ст. 174¹ (*ее разработка была осуществлена при непосредственном участии автора*). Для того временного периода это была норма, фактически предусматривающая специальное следственное действие, за что и была подвергнута критике ряда российских ученых. Решение о контроле и записи переговоров принималось судом на основании мотивированного постановления следователя, о направлении которого в суд прокурор лишь уведомлялся. И это имело место в правовой ситуации, когда ограничение конституционных прав граждан по судебному решению не предусматривалось даже при заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу. При подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению и в последующем этот опыт был использован, и в законе появились соответствующие нормы – ст. 186¹ УПК РФ (Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), содержание которых охраняется предусмотренной соответствующим законом тайной.

Одновременно следует отметить, что непосредственное использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь в совокупности с иными доказательствами, собранными посредством всего процессуального арсенала средств и методов, находящихся в ведении органов предварительного расследования, органов дознания и суда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Азаров В. А., Константинов В. В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20–24.
- ² См.: Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов ОРД : моногр. М., 2009. 282 с.
- ³ См.: Жук О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). М., 2004. 272 с.
- ⁴ См.: Поляков М. П. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 27–28 октября 2003 г.). М., 2004. С. 182–184.
- ⁵ См.: Павличенко Н. В., Лобачева Г. К. Инновационные технологии в оперативно-розыскной деятельности : моногр. Волгоград, 2014. 188 с.
- ⁶ См.: Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности – доказательства по уголовному делу: только «за» и никаких «против» // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIII междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 24–25 мая 2018 г.) : в 2 т. Иркутск, 2018. Т. 1. С. 261–267.
- ⁷ См.: Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2006. 449 с.
- ⁸ См.: Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 20–26.
- ⁹ См.: Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 81–91.
- ¹⁰ См.: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю, в суд : совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹¹ См.: Беляев М., Шептицкий А. Бандитский Татарстан. Казань, 2015. 335 с.
- ¹² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хрусталева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положением подпункта 6 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 24.09.2013 № 1505-О; По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных положений Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 04.02.1999 № 18-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ¹³ См.: Семенцов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург, 2006. 136 с.
- ¹⁴ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008. 342 с.
- ¹⁵ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хрусталева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положением подпункта 6 пункта 1 статьи 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 24.09.2013 № 1505-О.
- ¹⁶ См.: Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4 С. 46–48; Он же. Результатам ОРД – статус доказательств // Законность. 2004. № 12. С. 23–25; Зинкин В. К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. 202 с.; Зуев С. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 94–97; Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001. 262 с.
- ¹⁷ См.: О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод : федер. закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Sm.: Azarov V. A., Konstantinov V. V. Osobennosti ispol'zovaniya sledovatelem rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 11. S. 20–24.

² Sm.: Dolya E. A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov ORD : monogr. M., 2009. 282 s.

³ Sm.: Zhuk O. D. Uголовное presledovanie po uголовnym delam ob organizacii prestupnyh soobshchestv (prestupnyh organizacij). M., 2004. 272 s.

⁴ Sm.: Polyakov M. P. Ispol'zovanie rezul'tatov ORD v dokazyvanii // Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: god pravoprimeneniya i prepodavaniya : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 27–28 oktyabrya 2003 g.). M., 2004. S. 182–184.

⁵ Sm.: Pavlichenko N. V., Lobacheva G. K. Innovacionnye tekhnologii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti : monogr. Volgograd, 2014. 188 s.

⁶ Sm.: Rossinskij S. B. Rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti – dokazatel'stva po uголовnomu delu: tol'ko «za» i nikakih «protiv» // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah : sb. materialov XXIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 24–25 maya 2018 g.) : v 2 t. Irkutsk, 2018. T. 1. S. 261–267.

⁷ Sm.: Zazhickij V. I. Rezul'taty operativno-rozysknoj deyatel'nosti v uголовnom sudoproizvodstve. SPb., 2006. 449 s.

⁸ Sm.: Astaf'ev YU. V. Operativno-rozysknoj i dokazatel'stvennyj aspekt uголовно-processual'nogo poznaniya // Uголовно-processual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti uголовного sudoproizvodstva : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2014. S. 20–26.

⁹ Sm.: Petruhin I. L. Sudebnaya vlast' i rassledovanie prestuplenij // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 7. S. 81–91.

¹⁰ Sm.: Ob utverzhenii Instrukcii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti sledovatelyu, doznavatelyu, v sud : sovmetnyj prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

¹¹ Sm.: Belyaev M., Sheptickij A. Banditskij Tatarstan. Kazan', 2015. 335 s.

¹² Sm.: Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Hrustaleva Sergeya Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniem podpunkta 6 punkta 1 stat'i 28 Federal'nogo zakona «O trudovyh pensiyah v Rossijskoj Federacii» : opredelenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 24.09.2013 № 1505-O; Po zhalobe grazhdan M. B. Nikol'skoj i M. I. Sapronova na narushenie ih konstitucionnyh prav otdel'nymi polozheniyami Federal'nogo zakona «Ob

operativno-rozysknoj deyatel'nosti» : opredelenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 04.02.1999 № 18-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

¹³ Sm.: Semencov V. A., Safonov V. YU. Pravovye predposylki i etapy realizacii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dosudebnom proizvodstve. Ekaterinburg, 2006. 136 s.

¹⁴ Sm.: Shejfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam. M., 2008. 342 s.

¹⁵ Sm.: Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Hrustaleva Sergeya Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniem podpunkta 6 punkta 1 stat'i 28 Federal'nogo zakona «O trudovyh pensiyah v Rossijskoj Federacii» : opredelenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 24.09.2013 № 1505-O.

¹⁶ Sm.: Bozrov V. M. Rezul'tatam operativno-rozysknoj deyatel'nosti – status dokazatel'stv v ugovolnom processe // Rossijskaya yusticiya. 2004. № 4 S. 46–48; On zhe. Rezul'tatam ORD – status dokazatel'stv // Zakonnost'. 2004. № 12. S. 23–25; Znikin V. K. Ispol'zovanie operativno-rozysknoj informacii v ugovolno-processual'nom dokazyvanii : dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 1998. 202 s.; Zuev S. V. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v kachestve dokazatel'stv // Ugolovnoe pravo. 2007. № 3. S. 94–97; Polyakov M. P. Ugolovno-processual'naya interpretaciya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti. N. Novgorod, 2001. 262 s.

¹⁷ Sm.: O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s ratifikaciej Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod : feder. zakon ot 20.03.2001 № 26-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Принудительные меры в правоохранительной сфере в пределах морских пространств: безопасность государства и защита прав человека

А. П. ГЛАЗОВА – аспирант национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В статье исследуются проблемы защиты прав человека при применении принудительных мер в правоохранительной сфере в пределах морских пространств. Институт принудительных мер в правоохранительной сфере активно развивается как инструмент для борьбы с такими противоправными явлениями на море, как пиратство и работорговля, незаконный оборот наркотиков, несанкционированное вещание в открытом море, незаконная перевозка мигрантов и т. д. Автор приходит к выводу о необходимости разработки единого подхода относительно процедуры осуществления принудительных мер в правоохранительной сфере в пределах различных морских пространств, предусматривающего механизм для обеспечения защиты прав человека при осуществлении данных мер.

Ключевые слова: институт принудительных мер; пределы морских пространств; правоохранительная сфера; обеспечение прав человека.

Compulsory law enforcement measures within the maritime spaces: state security and the protection of human rights

A. P. GLAZOVA – Postgraduate Student of the National Research University Higher School of Economics

The article examines the problems of the protection of human rights in the application of compulsory measures in law enforcement within the maritime areas. The institute of compulsory law enforcement is being actively developed as a tool to combat such unlawful phenomena at sea as piracy and the slave trade, drug trafficking, unauthorized broadcasting on the high seas, the illegal transport of migrants, etc. The author concludes that approach regarding enforcement procedures in law enforcement within various maritime spaces providing a mechanism to ensure the protection of in person in the implementation of these measures.

Key words: institution of compulsory measures; maritime limits; law enforcement; ensuring human rights.

Институт принудительных мер в правоохранительной сфере в пределах различных морских пространств возник как инструмент для борьбы с такими противоправными явлениями на море, как пиратство и работорговля, незаконный оборот наркотиков, несанкционированное вещание в открытом море, незаконная перевозка мигрантов и другие общественно опасные деяния, угрожающие безопасности государств. К числу принудительных мер в правоохранительной сфере можно отнести остановку судна, высадку на судно, а также осуществление рас-

следования предполагаемого нарушения на судне. Отдельно можно выделить конвоирование или буксировку судна в ближайший соответствующий порт, захват пиратского судна и т. д.

Поскольку принудительные меры обусловлены необходимостью осуществления правоохранительных функций государствами для борьбы с соответствующими противоправными явлениями, с учетом усиления процессов глобализации и ростом числа противоправных деяний на море становится очевидным, что данный механизм будет

применяться государствами все чаще. При этом можно отметить интересную особенность данных мер, заключающуюся в том, что применение принудительных мер становится возможным только при учете таких факторов, как международно-правовой статус и правовой режим территорий, где предполагается правонарушение совершено, настоящее местоположение предполагаемых правонарушителей, гражданство правонарушителей и т. д. Такое свойство принудительных мер в правоохранительной сфере объясняется тем, что они в пределах различных морских пространств всегда находятся как бы на стыке двух противоположных концепций международного морского права, а именно: с одной стороны, такие принципы, как принцип свободы открытого моря, исключительности государства флага, невмешательства, а с другой – возможность осуществлять юрисдикцию в отношении иностранного судна для предотвращения противоправных явлений¹.

Еще одной важной проблемой, которая возникает в процессе применения принудительных мер в правоохранительной сфере в пределах морских пространств, является проблема защиты прав человека. Наиболее ярко она проявляется в борьбе с таким противоправным явлением, как незаконная миграция. Усиление незаконной миграции стало отрицательно влиять на систему социального обеспечения государств, привело к росту числа преступлений, которые совершаются на их территории, поскольку незаконные мигранты часто вовлекаются в незаконную коммерческую деятельность (торговлю оружием и наркотиками)². С целью предотвращения незаконной миграции государства вынуждены применять принудительные меры в правоохранительной сфере в пределах морских пространств. Но из-за отсутствия должного правового регулирования данного института как на международном, так и на внутригосударственном уровне зачастую возникают ситуации, когда государства применяют принудительные меры в правоохранительной сфере без учета концепции защиты прав человека, более того, возможны ситуации, когда под принудительными мерами маскируется не совсем правомерная стратегия борьбы с незаконной миграцией. В начале 2000-х гг. Австралии удалось снизить количество незаконных мигрантов, прибывающих по морю. Однако это стало возможным за счет развития такой практики, как букси-

ровка судна с незаконными мигрантами австралийскими судами за пределы морской территории Австралии³. Ситуация развивалась примерно следующим образом: когда судно с незаконными мигрантами пересекало прилежащую зону, направляясь к берегам Австралии, австралийское военное судно либо пыталось направить его своим ходом, либо осуществляло буксировку судна за пределы морской территории государства. В результате практики применения такой меры возникало несколько проблем: после того как австралийские власти предупреждали о применении буксировки, мигранты, находящиеся на судне, начинали наносить повреждения судну, пытались его поджечь либо высказывали угрозы совершения самоубийства и т. д. Более того, как минимум три судна во время такой буксировки затонули, в результате чего два человека погибли, а остальные были спасены и направлены на острова Науру и Манус⁴. Таким образом, стратегия применения буксировки судна за пределы морской территории государства вызывает ряд вопросов относительно правомерности ее применения. Если в результате жизнь и здоровье людей могут быть подвергнуты опасности, может ли считаться применение данной меры правомерным и соразмерным ответом на незаконную миграцию? Более того, будет ли данная мера считаться принудительной мерой правоохранительного характера или же это просто стратегия государства в сфере борьбы с незаконной миграцией, которая может привести к нарушению международных норм и соответствующих обязательств по защите прав человека?

Государство, осуществляющее правоохранительные функции на море, должно соблюдать соответствующие нормы, регулирующие защиту прав человека и должным образом учитывать безопасность жизни на море. К фундаментальным правам человека, которые государствам необходимо соблюдать при применении принудительных мер в правоохранительной сфере, относятся право на жизнь, запрет пыток, запрет произвольного лишения свободы⁵. Практически все универсальные договоры по правам человека содержат нормы, предполагающие защиту права на жизнь. К примеру, ч. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах отмечает, что «право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека, которое охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»⁶.

Кроме этого, следует отметить, что согласно ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г. ни один беженец никоим образом не должен высылаться или возвращаться на границу страны, где его жизни или свободе угрожает опасность преследования, другого жестокого обращения или пыток⁷. Данный принцип тесно связан с обычным запретом на пытки, жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание⁸. С целью реализации данного права в ходе осуществления принудительных мер в правоохранительной сфере при выявлении нахождения на судне незаконных мигрантов необходимо осуществить оценку личных обстоятельств данных лиц и предоставить им информацию относительно того, что они могут быть высланы обратно в страну происхождения, а также проинформировать их о процедуре, позволяющей избежать такого возвращения⁹. Помимо этого данным лицам должен быть предоставлен доступ к средствам правовой защиты, который предусматривает возможность подать жалобу в соответствии со ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в компетентный орган и обеспечивает тщательное и строгое рассмотрение их жалоб до исполнения высылки¹⁰.

Таким образом, принудительные меры в правоохранительной сфере – достаточно эффективный механизм для борьбы с преступностью на море и обеспечения безопасности государств, которую преступность на море подрывает. Однако применение принудительных мер в правоохранительной сфере не должно сопровождаться необходимостью выбора альтернативы: безопасность государств или защита прав человека. У государств, осуществляющих правоохранительные функции, не вызывает сомнения, что данные меры должны осуществляться с учетом правового статуса и режима морских пространств, субъектов правоохранительной деятельности, национальности судна и т. п. Поэтому тем более в ходе реализации принудительных мер в правоохранительной сфере не должна вызывать сомнения обязанность учитывать необходимость защиты прав человека. И если на сегодняшний день единый подход относительно процедуры осуществления принудительных мер в правоохранительной сфере в пределах различных морских пространств, предусматривающий механизм для обеспечения защиты прав человека при осуществлении данных мер, отсутствует, то потребность в создании такого подхода весьма очевидна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Fink M. *Maritime Interception and the Law of Naval Operations*. The Hague, The Netherland. 2018. P. 67.

² См.: Ромашев Ю. С. *Международное правоохранительное право*. М., 2010. С. 180.

³ См.: Guilfoyle D. *Shipping interdiction and the Law of the Sea*. Cambridge, 2009. P. 207.

⁴ См.: Guilfoyle D. *Shipping interdiction and the Law of the Sea*. P. 207.

⁵ См.: Papastavridis E. *The Interception of Vessels on the High Seas, Contemporary Challenges to the Legal Order of the Oceans*. Oxford, 2013. P. 73.

⁶ *Международный пакт о гражданских и политических правах* от 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 06.05.2019).

⁷ См.: Конвенция о статусе беженцев от 28.07.1951. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 25.11.2018).

⁸ См.: Papastavridis E. *The Interception of Vessels on the High Seas, Contemporary Challenges to the Legal Order of the Oceans*. P. 78.

⁹ См.: ECtHR. *Hirsi Jamaa v. Italy*. App No. 27765/09. Grand Chamber Judgment of 23.02.2012.

¹⁰ См.: ECtHR. *Hirsi Jamaa v. Italy*. App No. 27765/09. Grand Chamber Judgment of 23.02.2012.

¹ Sm.: Fink M. *Maritime Interception and the Law of Naval Operations*. The Hague, The Netherland. 2018. P. 67.

² Sm.: Romashev YU. S. *Mezhdunarodnoe pravoohranitel'noe pravo*. M., 2010. S. 180.

³ Sm.: Guilfoyle D. *Shipping interdiction and the Law of the Sea*. Cambridge, 2009. P. 207.

⁴ Sm.: Guilfoyle D. *Shipping interdiction and the Law of the Sea*. P. 207.

⁵ Sm.: Papastavridis E. *The Interception of Vessels on the High Seas, Contemporary Challenges to the Legal Order of the Oceans*. Oxford, 2013. P. 73.

⁶ *Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah* ot 16.12.1966. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashcheniya: 06.05.2019).

⁷ Sm.: Konvenciya o statuse bezhencev ot 28.07.1951. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (data obrashcheniya: 25.11.2018).

⁸ Sm.: Papastavridis E. *The Interception of Vessels on the High Seas, Contemporary Challenges to the Legal Order of the Oceans*. P. 78.

⁹ Sm.: ECtHR. *Hirsi Jamaa v. Italy*. App No. 27765/09. Grand Chamber Judgment of 23.02.2012.

¹⁰ Sm.: ECtHR. *Hirsi Jamaa v. Italy*. App No. 27765/09. Grand Chamber Judgment of 23.02.2012.

УДК 347.62

Развитие российского законодательства о браке и семье

Ю. И. КАРАВАЕВА – начальник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук

В статье рассматривается развитие российского законодательства о браке со времен Петра I до сегодняшних дней: актуальные проблемы урегулирования правоотношений между супругами, родителями и детьми, аспекты гендерной политики, история развития органов государственной власти, в чьи полномочия входит регистрация актов гражданского состояния, и др.

Ключевые слова: семья; родство; брак; супруги; дети; государственная регистрация; правовые последствия; социальная политика; семейное законодательство.

The development of Russian legislation on marriage and family

YU. I. KARAVAEVA – Head of the Department for the Organization and Coordination of Research and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology

The article discusses the development of Russian legislation on marriage from the time of Peter I to the present day: current problems of settling legal relations between spouses, parents and children, aspects of gender policy, history of the development of state bodies, whose powers include civil registration, etc.

Key words: family; relationship; marriage; spouses; children; state registration; legal consequences; social politics; family law.

В процессе развития государства семья как социальный институт имеет огромное значение. Под социальным статусом семьи понимается показатель, имеющий интегральный характер. Он аккумулирует в себе необходимость, ценность, привлекательность и устойчивость семьи в обществе. На его изменение оказывает влияние целый ряд факторов общественного развития. Среди них важную роль играет наличие устойчивых связей между семьей и государством.

Правовой статус семьи важен для государства, так как посредством законодательного закрепления родства и свойства возникают новые права, обязанности между лицами, в отношении которых данный статус зарегистрирован. Государственная регистрация заключения, расторжения брака, рождения, установления отцовства, усыновления являются гарантами защиты и

утверждения правового статуса семьи, ребенка, супругов.

Для того чтобы оценить значимость развития семейного законодательства и государственных органов, осуществляющих регистрацию актов гражданского состояния, в сфере государственного планирования в целом и для каждого человека в частности (в смысле закрепления и сохранения прав и обязанностей) обратимся к истории.

Активное развитие семейного права на Руси начинается при Петре I. До начала XVIII в. человек, чтобы зарегистрировать рождение, смерть, заключить брак, шел в церковь, в ведении которой находились все акты гражданского состояния. В 1721 г. по указу Петра I церковные учреждения были включены в систему государственных органов России, все православное население империи приписывалось к церковным при-

ходам по месту жительства. Делопроизводство возлагалось на священно- и церковнослужителей храмов, канцелярии консисторий и духовных правлений¹.

Именно Петр I приказал вступать в брак исключительно добровольно, родственники лиц, вступающих в брак, обязаны были принести присягу в том, что не принуждали жениха и невесту к браку. Если в допетровскую эпоху обручение в обязательном порядке сопровождалось сговорной записью и различными залогами на тот случай, если брак не состоится, то теперь утверждалось, что брак не может быть предметом гражданско-правовых сделок.

В 1714 г. с целью продвижения образовательной реформы была предпринята попытка ввести обязательный образовательный ценз для дворян, вступающих в брак, в виде требования при венчании справки о знании арифметики и геометрии, в 1722 г. эта идея облачается в форму устава, суть которого состояла в запрете на женитьбу «дураков, которые ни в науку, ни в службу не годятся»².

Также был определен возрастной ценз. С середины 1740-х гг. Священный Синод отдельным указом запрещает жениться всем, кто преодолел 80-летний возрастной рубеж. В указе говорилось: «Брак от Бога установлен для продолжения рода человеческого, чего от живущего за 80 надеяться весьма отчаянно»³.

В 1775 г. русское семейное законодательство пополняется новыми правилами:

– венчание и регистрация брака могли производиться только в приходской церкви одного из вступающих в брак (так началась борьба с самочинными увозами невест из дому);

– венчанию должно предшествовать обязательное оглашение;

– брак заключается при личном присутствии жениха и невесты. Исключение делалось лишь для лиц императорской фамилии, венчающихся с иностранными принцессами;

– брачный возраст устанавливался с 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин;

– для вступления в брак необходимо было получить согласие родителей независимо от возраста жениха и невесты.

В 1765 г. были введены так называемые брачные обыски, которые составляли содержание обыскных книг. «Обыскная книга – шнуровая церковная книга, в которую заносились брачные обыски». В конце XIX – начале XX вв. у брачного обыска появилось второе название – предбрачное свидетель-

ство. Брачный обыск включал восемь пунктов, обстоятельства которых священник должен был исследовать: отсутствие плотского и духовного родства и свойства, взаимное согласие (отсутствие принуждения), согласие родителей или опекунов и др.⁴

После Октябрьской революции 1917 г. Советское государство установило монопольное право гражданской власти на регистрацию актов гражданского состояния. С этой целью новое правительство начало реформу семейного законодательства.

18 декабря 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР был издан декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», который постановил, что только гражданский брак признается государством и имеет правовые последствия. В декрете определялись правила вступления в брак. В частности, упоминалось, что гражданам, желающим вступить в брак, необходимо подавать заявления в отделы записей браков и рождений при земских управах. Дату издания данного декрета – 18 декабря 1917 г. – принято считать днем создания органов записи актов гражданского состояния России. Церковное венчание государством не признавалось и было объявлено личным пожеланием жениха и невесты, не имеющим правовых последствий. 19 декабря 1917 г. вышел декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака», согласно которому бракоразводные дела изымались из компетенции судов духовных консисторий и передавались в ведение местных судов.

Прогрессивным шагом советской власти стало то, что незаконнорожденных и законных детей уравнили в правах. Для экономической поддержки детей, рожденных вне брака, и минимизации затрат государства по данной статье расходов необходимо было материальные обязательства за своих детей возложить на мужчин. Женщине в то время достаточно было прийти в ЗАГС и назвать имя отца ребенка. Приняв заявление, ЗАГС отправлял об этом письмо указанному матерью гражданину. И если в течение месяца от последнего не поступало возражений, то именно этот мужчина и записывался как отец ребенка, а значит, должен был платить ему алименты⁵.

С 1930-х гг. за моральным обликом людей стало следить само государство. В СССР действовал моральный кодекс строителей коммунизма. Государство, по сути, стало выполнять функции духовного наставничества, ранее закрепленные за церковью и духовенством.

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1927 г. отменил судебный порядок развода, установив для всех случаев регистрационный метод развода в органах ЗАГС.

В военный период Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 существенно осложнил процедуру расторжения брака. Брак можно было расторгнуть только через суд. Для подачи заявления требовалось выполнить ряд условий: указать мотивы развода, вызвать в суд другого супруга для ознакомления с заявлением, опубликовать в местной газете объявление о расторжении брака и др. Расторжение брака судом имело неотклонимую двухступенчатую функцию: сначала заявление о расторжении брака рассматривал народный трибунал, которому надлежало узнать настоящие мотивы развода и принять меры к примирению супругов, явка которых на судебное заседание была обязательной. В случае если примирение супругов в народном суде не свершилось, истец был вправе обратиться с заявлением о разводе в вышестоящий суд, который принимал решение по существу.

Необходимо подчеркнуть, что до принятия вышеобозначенного указа муниципальные органы только регистрировали факт развода, тогда как на данный момент конкретно суд решал вопрос о наличии обстоятельств для прекращения брака. Недостаточно было при попытке расторгнуть брак даже того, что семья перестала существовать практически. Расторжение брака рассматривалась как аморальное, осуждаемое поведение со всеми вытекающими последствиями (общественным осуждением, исключением из партии и т. п.).

Ввиду колоссальных потерь в войне демографическая ситуация в стране была очень напряженной. Были установлены высшие степени отличия – звание «Мать-героиня», орден «Материнская слава» и «Медаль материнства». Правительственные награды для матерей – свидетельство того, что воспитание детей приравнивалось к государственным и общественным заслугам.

Звание «Мать-героиня» присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей, по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери. При этом учитывались погибшие или пропавшие без вести при защите СССР, а также усыновленные дети. С 1944 по 1991 г. орден «Мать-героиня» получили около полумиллиона женщин. Таким образом, интересы семьи и

ребенка заняли свое место в правоприменительной практике.

Российская Федерация признала многие международно-правовые акты, в их числе Конвенцию ООН 1989 г. «О правах ребенка», которая была принята и ратифицирована в 1990 г. Это важный момент интегрирования российской правоприменительной практики в международную систему защиты прав человека.

Новый Семейный кодекс был введен в действие 29 декабря 1995 г., а 15 ноября 1997 г. вступил в силу Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»⁶. Этим документом (с изменениями) органы ЗАГС руководствуются по сегодняшний день.

Анализ российского законодательства о браке и семье, социального положения семьи является отправной точкой для новых подходов в развитии социальной политики, семейного законодательства. Сохраняя сложившийся в советский период механизм государственной поддержки материнства и детства в виде почетных званий, пособий, декретных отпусков, сегодня государство отказалось от жесткого патернализма в отношении семьи: моральный облик супругов не рассматривается на общественных собраниях, графа о причине, по которой расторгается брак, исключена из формы актовой записи о расторжении брака, провозглашены принципы социального партнерства и суверенности семьи в решении ее основных проблем. Меры реализации семейной политики способствуют самостоятельному развитию семьи. Существенным стало изменение гендерной политики: мужчины и женщины стали равноправными партнерами в семье, экономике, политике. Произошли изменения от идеи патриархальной семьи к концепции паритетной демократии, в основе которой лежит идея о равном гражданском достоинстве мужчины и женщины, их равноценном вкладе в развитие общества. В семьях мужчины и женщины несут равную ответственность за воспитание детей, благополучие домашнего очага. Мать и отец в равной мере имеют право воспользоваться отпуском по уходу за ребенком, получать социальные пособия.

Федеральными министерствами и ведомствами подготовлен ряд законопроектов для совершенствования семейного законодательства, регистрации актов гражданского состояния. Так, в области алиментных обязательств родителей по отношению к несовершеннолетним детям 7 марта

2018 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 48-ФЗ, вносящий изменения в ст. 278 ГПК РФ и ст. 65 Федерального закона «Об исполнительном производстве», в соответствии с которым, если после проведения исполнительно-розыскных действий по розыску должника по исполнительному документу, содержащему требование о взыскании алиментов, в течение одного года со дня получения последних сведений о должнике не установлено его место нахождения, взыскатель имеет право обратиться в суд с заявлением о признании должника безвестно-отсутствующим. Соответственно, ребенок сможет получать социальные выплаты от государства.

25 октября 2017 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении рассмотрен законопроект № 193498-7 «О внесении изменений в федеральный закон “Об актах гражданского состояния”», предусматривающий наделение нотариусов правом при совершении нотариального действия запрашивать и получать сведения из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния.

6 мая 2017 г. в Госдуму внесен законопроект о внесении изменений в отдельные законодательные акты в части государственной регистрации некоторых актов гражданского состояния в многофункциональных центрах (МФЦ) предоставления государственных и муниципальных услуг. Предполагается, что в МФЦ будут составляться записи актов гражданского состояния, выдаваться свидетельства о рождении (за исключением рождения, которое регистрируется одновременно с госрегистрацией установления отцовства) и смерти. Данные центры будут передавать в органы ЗАГС документы, послужившие основанием для государственной регистрации. Указанными полномочиями МФЦ будет наделен законом субъекта Федерации. При этом органы ЗАГС свои функции сохранят. Возложенные полномочия в случае их ненадлежащего осуществления могут быть изъяты на основании представления Минюста России⁷.

С 1 октября 2018 г. органы ЗАГС Российской Федерации начали работу в новой федеральной государственной информационной системе «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния» (ФГИС «ЕГР ЗАГС»). Это единый электронный банк данных записей актов гражданского состояния. Он был создан в

соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15.01.2016.

До этого органы ЗАГС работали в различных информационных системах, данные из которых свести воедино было проблематично. Теперь появилась возможность работать в онлайн-режиме по единым правилам. Оператором федеральной государственной системы является Федеральная налоговая служба.

По мере включения ранее составленных записей актов гражданского состояния в единый государственный реестр органы ЗАГС могут выдать повторный документ в день обращения гражданина, даже если сама запись хранится в другом субъекте Российской Федерации.

У новой системы есть еще одно преимущество. Уполномоченные ведомства (налоговая служба, пенсионный фонд, соцзащита и др.) имеют доступ к сведениям из органов ЗАГС, необходимым для подтверждения данных. Новая система позволит свести к минимуму ошибки, опечатки и дублирующиеся данные, а также случаи мошенничества. В частности, не получится зарегистрировать новый брак, не расторгнув предыдущий, или зарегистрировать одного ребенка в разных органах ЗАГС ради получения материнского капитала. В будущем гражданам откроют новые дополнительные сервисы. Например, предоставление в личном кабинете портала государственных и муниципальных услуг сведений из записей актов о себе и своих несовершеннолетних детях. Полный перевод работы органов ЗАГС Российской Федерации в электронную форму должен будет завершиться к 2021 г.⁸

В деле охраны семьи, личных и имущественных интересов супругов и детей важная роль принадлежит правовому регулированию семейных отношений. Главная функция государства в семейном праве – социальная защита, именно на благополучие семьи направлена законодательная деятельность государства. На современном этапе развития семейных отношений могут быть определены следующие цели совершенствования семейного законодательства:

1) создание системы семейного законодательства, основанного на принципах гармонизации частных и публичных интересов;

2) приведение семейного законодательства в соответствие с положениями Конвенции ООН о правах ребенка и других международно-правовых актов;

3) признание традиционных семейных ценностей основным вектором государственной семейной политики;

4) создание системы семейно-правовых гарантий прав ребенка;

5) изменение системы мер семейно-правовой ответственности родителей, оснований, порядка и правовых последствий их применения;

6) укрепление нравственных начал семейно-правового регулирования.

Актуальность темы развития российского законодательства о браке и семье на

современном этапе связана прежде всего с тем, что процесс перехода семьи от устаревших форм к современным протекает непросто и требует исчерпывающего правового регулирования и толкования. Государство, общественные организации, религиозные объединения, предприниматели, ученые, журналисты должны сделать все, чтобы обеспечить семье поддержку. Без учета интересов семьи никогда не сможет реализоваться государственная политика, направленная на благополучие России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 37.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ См.: Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 130.

⁵ См.: О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm (дата обращения: 05.05.2019).

⁶ Об актах гражданского состояния : федер. закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050119> (дата обращения: 05.05.2019).

⁷ См.: В ЗАГС не пойдём. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/mfc-nachnut-vydavat-dokumenty-o-rozhdenii-i-smerti-grazhdan.html> (дата обращения: 05.05.2019).

⁸ См.: В Едином реестре ЗАГС уже около двух миллионов записей. URL: <https://rg.ru/2019/02/22/fns-v-edinom-reestre-zags-uzhe-okolo-2-millionov-zapisej.html> (дата обращения: 05.05.2019).

¹ Sm.: Caturova M. K. Russkoe semejnoe pravo XVI–XVIII vv. M., 1991. S. 37.

² Tam zhe. S. 7.

³ Tam zhe. S. 8.

⁴ Sm.: Nizhnik N. S. Pravovoe regulirovanie semejno-brachnyh otnoshenij v russkoj istorii. SPb., 2006. S. 130.

⁵ Sm.: O grazhdanskom brake, o detyah i o vedenii knig aktov grazhdanskogo sostoyaniya : dekret VCIK, SNK RSFSR ot 18.12.1917. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm (data obrashcheniya: 05.05.2019).

⁶ Ob aktah grazhdanskogo sostoyaniya : feder. zakon ot 15.11.1997 № 143-FZ (red. ot 27.12.2018). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050119> (data obrashcheniya: 05.05.2019).

⁷ Sm.: V ZAGS ne pojdem. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/mfc-nachnut-vydavat-dokumenty-o-rozhdenii-i-smerti-grazhdan.html> (data obrashcheniya: 05.05.2019).

⁸ Sm.: V Edinom reestre ZAGS uzhe okolo dvuh millionov zapisej. URL: <https://rg.ru/2019/02/22/fns-v-edinom-reestre-zags-uzhe-okolo-2-millionov-zapisej.html> (data obrashcheniya: 05.05.2019).

УДК 343.85

Порядок применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких

О. В. КИРИЛОВСКИЙ – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

Н. А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрываются организационные аспекты порядка применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких. В результате проведенного исследования определены разновидности нормативно-правового регулирования процедуры реализации мер безопасности, выявлены правовые пробелы в детальной регламентации порядка применения мер безопасности и вопросы взаимодействия с другими правоохранительными органами в указанной сфере, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: государственная защита; меры безопасности; уголовно-исполнительная система; сотрудники уголовно-исполнительной системы и их близкие; порядок применения мер безопасности.

The order of application security measures in relation to employees of the penal system and their relatives

O. V. KIRILOVSKY – Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

N. A. MELNIKOVA – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, PhD. in Law, Associate Professor of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article reveals the organizational aspects of the procedure for applying security measures in relation to employees of the penal system and their relatives. As a result of the study varieties of regulatory and regulatory procedures for implementing security measures were identified, legal gaps in the detailed regulation of the application of security measures and issues of interaction with other law enforcement agencies in this area were identified, and ways to eliminate them were suggested.

Key words: state protection; security measures; penal system; employees of the penal system and their relatives; order of application of security measures.

Правовой основой деятельности по обеспечению безопасности государственных служащих являются нормы Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц

правоохранительных и контролирующих органов»¹ (далее – закон о государственной защите). В качестве одного из объектов государственной защиты (ст. 2) выступают сотрудники учреждений и органов уголов-

но-исполнительной системы. Данный закон предусматривает ряд мер безопасности (личная охрана, охрана имущества и жилища, выдача оружия и специальных средств индивидуальной защиты и средств оповещения об опасности и др.).

Применение мер безопасности является одним из основных средств обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких в случае наличия угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество в связи с их служебной деятельностью.

Проанализировав перечень указанных мер, которые могут быть применены в качестве средств обеспечения безопасности, можно констатировать, что порядок их применения может быть общим и специальным.

Общий порядок предусмотрен для всех мер безопасности отдельными нормами закона о государственной защите. Специальный предполагает более детальное описание последовательности действий субъектов, привлеченных к реализации отдельной (конкретной) меры безопасности, и закреплен нормами подзаконных нормативных правовых актов.

Как показывает проведенный правовой анализ, порядок применения мер безопасности, детально конкретизированный подзаконными нормативными актами, имеет место в отношении ряда мер безопасности: выдача оружия, сохранение в тайне сведений о защищаемом лице, перевод на другую работу (службу), изменение места работы (учебы) и жительства. Остальные меры в виде личной охраны, охраны имущества и жилища, изменения внешности, замены документов и временного помещения в безопасное место применяются в соответствии с общим порядком. В связи с указанным обстоятельством полагаем необходимым продолжить нормотворческую деятельность по разработке новых и совершенствованию имеющихся актов, регламентирующих порядок применения мер безопасности.

Например, в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства утверждены и действуют правила применения ряда мер безопасности, а именно: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселение на другое место жительства². Порядок применения остальных мер безопасности предусмотрен Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.10.2006 № 630 (в ред. 27.06.2017) «Об утверждении правил применения отдельных

мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»³.

Принимая во внимание результаты научных достижений в сфере государственного управления по исполнению различных функций и их административному регламентированию⁴, полагаем целесообразным обратиться к ним в качестве примера и ориентира для исследования и разработки административных процедур в уголовно-исполнительной системе.

Так, по мнению Г. Ю. Каримовой и Н. В. Маликовой, порядок применения мер безопасности включает в себя последовательность определенных действий, совершаемых уполномоченными органами, по приему, рассмотрению и принятию решений по сообщению о применении мер безопасности в отношении защищаемого лица⁵.

Однако в указанный перечень действий необходимо внести некоторые уточнения. На наш взгляд, следует обозначить границы между ними и построить их в хронологическом порядке. В связи с чем порядок применения мер безопасности предлагается рассмотреть в виде следующих этапов:

- 1) прием и регистрация сообщения сотрудника уголовно-исполнительной системы о применении мер безопасности;
- 2) проверка уполномоченными лицами подразделений собственной безопасности ФСИН России поступившего сообщения;
- 3) принятие решения руководителем подразделения собственной безопасности ФСИН России о применении либо об отказе в применении мер безопасности;
- 4) непосредственное исполнение мер безопасности;
- 5) принятие решения об отмене мер безопасности.

Рассмотрим данный порядок детально.

Прием и регистрация сообщения. Подразделения собственной безопасности ФСИН России, получив заявление сотрудника о применении в отношении его мер безопасности, обращение начальника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы, а также оперативную и иную информацию о наличии угрозы в отношении сотрудника и его близких, должны в течение не более трех суток принять соответствующее решение. Материалы собираются в отдельное производство, регистрируются в установленном порядке.

Проверка сообщения. В ходе проверки в целях сбора объективной и достоверной информации о наличии угрозы посягательства

на жизнь, здоровье и имущество сотрудника уголовно-исполнительной системы могут быть использованы гласные (открытые) способы сбора сведений (объяснения, документы, вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи и т. д.), а также негласные (оперативно-розыскные).

В том случае если в ходе проверки было установлено, что угрозы имеют место быть, имеются основания их осуществления, однако они вызваны обстоятельствами, не связанными со служебной деятельностью сотрудника уголовно-исполнительной системы, то собранные материалы регистрируются и передаются по подследственности в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Принятие решения по сообщению. На наш взгляд, это один из самых важных и ответственных этапов в порядке применения мер безопасности. Как указано выше, решения могут быть полностью противоположными по значению для сотрудника. В первом случае, при наличии оснований применения мер безопасности, уполномоченным лицом выносится постановление о применении мер безопасности, во втором – об отказе.

Решения оформляются в виде постановления, которому свойственны все необходимые требования, предъявляемые к юридическому документу, и набор реквизитов. Его структура условно состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной⁶.

Согласно ст. 16 закона о государственной защите постановление о применении меры безопасности, вынесенное должностным лицом ФСИН России в соответствии с его компетенцией, обязательно для исполнения должностными лицами учреждений, предприятий и организаций, в адрес которых они были направлены.

Исполнение мер безопасности. Непосредственная реализация мер безопасности начинается незамедлительно после утверждения постановления руководителем органа уголовно-исполнительной системы. Эффективность обеспечения государственной защиты во многом зависит от межведомственного взаимодействия с другими субъектами обеспечения безопасности. По мнению К. В. Косарева, эффективность в указанном направлении может быть достигнута в результате согласования (в пределах компетенции) деятельности органов внутренних дел и ФСИН России по правовому регулированию взаимодействия, реальному обмену оперативной и иной информацией о субъектах защиты, проведению совместных

мероприятий с взаимным использованием сил и средств, выявлению, обобщению и распространению передового опыта в данной деятельности, а также анализу итогов совместной деятельности⁷.

Отмена мер безопасности. Отмена принятых мер безопасности в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы в соответствии со ст. 18 закона о государственной защите может быть произведена в случае устранения угрозы, по его письменному заявлению, а также если сотрудник отказывается от подписания договора с подразделением собственной безопасности ФСИН России либо не выполняет предписания, предусмотренные заключенным договором.

При исследовании зарубежного опыта обеспечения государственной защиты, в частности закона Украины «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов»⁸, определены положения, заслуживающие внимания. Так, в законе среди оснований для отмены мер безопасности закреплено указание на истечение срока конкретного мероприятия обеспечения безопасности. В российском законе (ст. 18) данного основания отмены мер безопасности не предусмотрено. Указание на истечение срока применения мер безопасности как основание их отмены позволит уполномоченным органам, в частности должностным лицам подразделений собственной безопасности, по истечении установленного срока дополнительно обратиться к рассмотрению ряда вопросов. К их числу следует отнести вопросы о наличии либо устранении угрозы безопасности защищаемого лица, соблюдении им условий договора, а также о желании защищаемого лица продолжить применение мер безопасности⁹.

Поводя итог, необходимо сделать ряд научно-теоретических выводов и практических предложений по совершенствованию порядка применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких.

Порядок и правила применения мер безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких включают в себя ряд следующих этапов: прием и регистрация сообщения сотрудника о применении мер безопасности; проверка уполномоченными лицами подразделений собственной безопасности ФСИН России поступившего сообщения; принятие решения руководителем подразделения

собственной безопасности ФСИН России о применении либо об отказе в применении мер безопасности; непосредственное исполнение мер безопасности; принятие решения об отмене мер безопасности.

Порядок применения мер безопасности, детально конкретизированный подзаконными нормативными актами, имеет место в отношении только четырех мер безопасности. В связи с указанным обстоятельством полагаем необходимым продолжить нормотворческую деятельность по разработке новых и совершенствованию имеющихся актов в данной области.

Следует дополнить в ст. 18 закона о государственной защите «Основания для отмены мер безопасности» еще одним основанием – истечение срока конкретного мероприятия обеспечения безопасности –

и изложить ее в следующие редакции: «При устранении угрозы безопасности защищаемого лица, или по его письменному заявлению, истечении срока конкретного мероприятия обеспечения безопасности, или в случае, если защищаемое лицо отказывается от заключения договора с органом, обеспечивающим безопасность, либо выполнения предписаний, соблюдение которых необходимо для обеспечения его безопасности, или в случае, если дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий такого договора либо таких предписаний, для отмены мер безопасности уполномоченным на это должностным лицом выносится соответствующее мотивированное постановление, которое объявляется защищаемому лицу».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

² См.: Об утверждении правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства Рос. Федерации от 21.09.2012 № 953 // Рос. газ. 2012. 26 сент.

³ См.: Рос. газ. 2006. 10 нояб.

⁴ См.: Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 18.

⁵ См.: Каримова Г. Ю., Маликова Н. В. Правовое регулирование выдачи оружия как меры безопасности, применяемые в отношении судей, должностных лиц и контролирующих органов // Российский судья. 2013. № 10. С. 40.

⁶ См.: Рябинина Т. К. Структура и содержание постановления, выносимого судьей в стадии назначения судебного заседания // Российский судья. 2016. № 3. С. 31–35.

⁷ См.: Косарев К. В. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных служб ОВД и ФСИН России // Наука и практика. 2016. № 2 (67). С. 65–67.

⁸ См.: О государственной защите работников суда и правоохранительных органов : закон Украины от 23.12.1993 № 3781-XII // Ведомости Верховной Рады Украины. 1994. № 11. Ст. 50.

⁹ См.: Кирилловский О. В., Мельникова Н. А. Зарубежный опыт стран СНГ в обеспечении государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений // Scientific Journal. 2016. Part 3. № 14. P. 112–116.

¹ Sm.: Sbr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1995. № 17. St. 1455.

² Sm.: Ob utverzhenii pravil primeneniya mery bezopasnosti v vide pereseleniya zashchishchaemogo lica na drugoe mesto zhitel'stva v otnoshenii poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 21.09.2012 № 953 // Ros. gaz. 2012. 26 sent.

³ Sm.: Ros. gaz. 2006. 10 noyab.

⁴ Sm.: Nozdrachev A. F. Sistemnaya reglamentaciya administrativnoj deyatel'nosti: otechestvennaya doktrina i praktika // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2011. № 8. S. 18.

⁵ Sm.: Karimova G. YU., Malikova N. V. Pravovoe regulirovanie vydachi oruzhiya kak mery bezopasnosti, primenyaemye v otnoshenii sudej, dolzhnostnyh lic i kontroliruyushchih organov // Rossijskij sud'ya. 2013. № 10. S. 40.

⁶ Sm.: Ryabinina T. K. Struktura i sodержanie postanovleniya, vynosimogo sud'ej v stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya // Rossijskij sud'ya. 2016. № 3. S. 31–35.

⁷ Sm.: Kosarev K. V. Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya operativnyh sluzhb OVD i FSIN Rossii // Nauka i praktika. 2016. № 2 (67). S. 65–67.

⁸ Sm.: O gosudarstvennoj zashchite rabotnikov suda i pravoohranitel'nyh organov : zakon Ukrainy ot 23.12.1993 № 3781-HII // Vedomosti Verhovnoj Rady Ukrainy. 1994. № 11. St. 50.

⁹ Sm.: Kirillovskij O. V., Mel'nikova N. A. Zarubezhnyj opyt stran SNG v obespechenii gosudarstvennoj zashchity personala penitenciarных uchrezhdenij // Scientific Journal. 2016. Part 3. № 14. P. 112–116.

УДК 343.82

Гендерный аспект принципа равенства осужденных перед законом в Российской Федерации при реализации прав осужденных к лишению свободы на получение посылок, передач, бандеролей

Н. С. КОВАЛЕВ – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России

Правовые нормы уголовно-исполнительного законодательства должны строго соответствовать его принципам. В статье исследуются нормы на соответствие принципу равенства осужденных перед законом по гендерному признаку, а именно положения норм, устанавливающие право осужденных к лишению свободы на получение посылок (передач), бандеролей. Актуальность исследования заключается в том, что нормы института лишения свободы в уголовно-исполнительном законодательстве и установление несоответствия их принципу равенства осужденных перед законом недостаточно полно исследованы в науке и требуют всестороннего изучения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; осужденный; принцип равенства осужденных перед законом; лишение свободы; уголовно-исполнительное право; Конституция Российской Федерации.

The gender aspect of the equality principle of convicts in the Russian Federation while realizing the rights of persons sentenced to imprisonment to receive packages, broadcasts, packages

N. S. KOVALEV – Lecturer of the Department of Operational Searching and Penal Organization of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia

The legal norms of penal legislation must strictly comply with its principles. The purpose of the study is to identify the norms that do not meet the equality principle of convicts before the law on the basis of gender, namely the provisions of the norms establishing the right of persons sentenced to imprisonment to receive packages (broadcasts), wrappers. The relevance of the study lies in the fact that the norms of the institution of imprisonment in the penal legislation and the determination of non-compliance with their principle of equality of convicts before the law have not been fully studied in science and require their comprehensive study.

Key words: penal legislation; convict; equality principles of convicts before the law; imprisonment; penal law; the Constitution of the Russian Federation.

С древних времен философами и мыслителями предпринимались попытки дать определение понятию равенства, выделить основные его признаки и провести грань в обществе между социальными формированиями (классами, сословиями)¹. Вопрос о социальном равенстве актуален и в настоящее время. Российская Федерация признает равенство и равноправие всех ее граждан и закрепляет данное положение

законодательно. Равенство всех перед законом и судом в ст. 19 Конституции Российской Федерации устанавливает единство между мужчиной и женщиной в правах, свободах, а также в возможностях для их осуществления.

Одной из основных задач каждого демократического государства является уважение прав и свобод человека и гражданина, признание и поддержание равенства между

ними. К сожалению, в настоящее время в обществе допускаются посягательства на права и свободы граждан со стороны других лиц. В этом случае государство предпринимает все возможные меры для привлечения виновных к ответственности и восстановления социальной справедливости. Лица, признанные виновными в совершении преступления, отбывают разные виды наказаний, в том числе и лишение свободы. В соответствии с Конституцией Российской Федерации данные лица ограничиваются в правах в рамках, установленных законом, государство наделяет данную категорию лиц дополнительными специальными правами и обязанностями.

Соответственно, ограничивая их в правах в рамках, требующихся законом, государство наделяет указанных лиц иными (специальными) правами и обязанностями, такими как право на получение посылок, передач, бандеролей в определенном законом порядке и соответствующем количестве, обязанность соблюдать распорядок дня и др. Данные права и обязанности должны в равной степени исполняться в отношении осужденных, а нормы, их регулирующие, должны строго соответствовать принципам законодательства.

Реализация прав и свобод осужденных является одной из основных задач уголовно-исполнительного законодательства, которая закреплена в ст. 2 УИК РФ. В данном случае целесообразно будет рассмотреть реализацию прав осужденных в соответствии с принципом равенства перед законом осужденных к лишению свободы. Положения международных стандартов обращения с заключенными, конституционного принципа равенства объединены общей идеей, провозглашающей недопущение дискриминации по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, и заложены в основу принципа равенства осужденных перед законом.

В соответствии со ст. 90 УИК РФ в период всего срока отбывания наказания осужденным предоставляется право получать от родственников посылки, передачи и бандероли в определенном законом порядке и соответствующем количестве. Согласно диспозиции данной уголовно-исполнительной нормы правом на их получение в равной сте-

пени могут воспользоваться осужденные независимо от гендерной принадлежности, имущественного и социального положения и т. д., государство в свою очередь обязано предоставить им такую возможность.

Вопросы о несоответствии данной нормы принципу равенства осужденных перед законом затрагивались в научной литературе², но требуется более глубокий анализ данной нормы, ее взаимосвязи с другими нормами уголовно-исполнительного законодательства.

Нарушение принципа равенства осужденных перед законом отчетливо проявляется в ч. 1 ст. 90 УИК РФ, согласно которой женщины имеют право на исполнение в отношении них данного положения без установления их количества, чего в свою очередь нельзя сказать о мужчинах, поскольку данное право в отношении них регулируется нормами законодательства и находится в прямой зависимости от вида исправительного учреждения, в котором они отбывают наказания. Это в определенной степени не соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства в рамках предупреждения совершения новых преступлений как осужденными женщинами, так и иными лицами и оказывает негативное влияние на прогрессивную систему отбывания наказания.

Отклонение от равенства мужчины и женщины можно считать оправданным только в увеличении количества некоторых предметов для женщин ввиду особенностей их физиологических данных. Однако предоставление слабому полу «привилегий» на получение их в неограниченном количестве не только нарушает права мужчин, но и фактически полностью ликвидирует грань между условиями отбывания наказаний в отношении женщин, что, несомненно, отражается на их исправительном воздействии.

Анализ состояния дисциплины и дисциплинарной практики в уголовно-исполнительной системе за 2018 г. показывает, что уровень нарушений порядка отбывания наказания в расчете на тысячу человек возрос на 3,5 % и составил 1233,7 (АППГ – 1192,1). Уровень злостных нарушений порядка отбывания составил в отчетном периоде 40,1, что на 8,2 % выше, чем в 2017 г. (37,1)³.

Воспитательная работа является одним из основных средств исправления осужденных (ч. 2 ст. 9 УИК РФ). Установленные мероприятия воспитательного характера направлены на исправление осужденных, развитие и закрепление уважительного отношения к

человеку, обществу, труду и т. д. Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, составляют основу воспитательно-го воздействия на осужденных. За хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, активную жизненную позицию к ним может применяться мера поощрения в виде разрешения на получение дополнительной посылки или передачи. Однако в отношении осужденных женщин неуместно и нецелесообразно применение данной меры поощрения, она фактически упраздняется ч. 1 ст. 90 УИК РФ. Следовательно, появляется необходимость устранения подобной несогласованности норм уголовно-исполнительного законодательства.

При этом условия содержания осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ регулируются ст. 118 УИК РФ, ч. 2 которой устанавливает для осужденных определенные правовые ограничения. Право на приобретение продовольственных продуктов и предметов первой необходимости при переводе осужденных женщин устанавливается законодательством и составляет пять тысяч рублей из средств, имеющихся на их лицевых счетах. При этом ограничено и право на получение посылок (передач), бандеролей, но не совсем понятно, чьи права в данном случае

ограничиваются. В п. «б» закреплено, что осужденным разрешается получать одну посылку (передачу) и одну бандероль один раз в шесть месяцев. В свою очередь женщины переводятся в ПКТ на срок до трех месяцев, соответственно, можно полагать, что данная правовая норма распространяет свое действие только на осужденных мужчин. В данном аспекте также предусмотрено определенное неравенство между осужденными по гендерному признаку.

Таким образом, предоставление женщинам привилегированного положения не совсем оправданно. Положения рассмотренных выше статей УИК РФ не соответствуют требованиям принципа равенства осужденных перед законом по гендерному признаку, что может оказывать негативное воздействие на их правопослушное поведение в период отбывания наказаний в исправительных учреждениях. Указанные недостатки требуют определенной корректировки. Для этого предлагается: пересмотреть ч. 1 ст. 90 УИК РФ о количестве получения передач и почтовых отправлений женщинами в соответствии со статьями настоящего кодекса, определяющими вид исправительного учреждения и условия отбывания наказания в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Новгородцев П. И. Конспект к лекциям по истории философии права. М., 1908. С. 5.

² См.: Дядюн К. В. Гендерное равновесие и некоторые особенности условий отбывания наказаний // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (66); Мишина Е. В. Гендерные различия в отбывании наказания осужденными к лишению свободы // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. тр. конф. М., 2017; Репьев А. Г., Репьева А. М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22).

³ См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2018 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2019. С. 237.

¹ Sm.: Novgorodcev P. I. Konspekt k lekciyam po istorii filosofii prava. M., 1908. S. 5.

² Sm.: Dyadyun K. V. Gendernoe ravnovesie i nekotorye osobennosti uslovij otbyvaniya nakazaniy // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2010. № 3 (66); Mishina E. V. Gendernye razlichiya v otbyvanii nakazaniya osuzhdennymi k lisheniyu svobody // Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii : sb. tr. konf. M., 2017; Rep'ev A. G., Rep'eva A. M. Pravovye preimushchestva kak element special'nogo pravovogo statusa zhenshchiny-osuzhdennoj // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 4 (22).

³ Sm.: Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (yanvar'–dekabr' 2018 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2019. S. 237.

УДК 343.845

Вопросы судебной практики применения института освобождения от отбывания наказания по болезни

Л. А. КОЛПАКОВА – заместитель начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье раскрываются процессуальные вопросы и некоторые проблемы уголовно-исполнительного права в области обеспечения эффективности института освобождения от отбывания наказания по болезни; на основании анализа судебной практики и статистики вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования данного института, разрешению коллизий и преодолению пробелов в УПК РФ и УК РФ в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: освобождение от наказания; болезнь; ходатайство осужденных; специальная медицинская комиссия; суд.

Issues of judicial practice in the application of the institution of exemption from serving a sentence due to illness

L. A. KOLPAKOVA – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Searching of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor

The article reveals procedural issues and some problems of the penal law in the field of ensuring the effectiveness of the institution of exemption from serving a sentence due to illness; based on the analysis of judicial practice and statistics proposals are made to improve the legal regulation of this institution, resolve conflicts and overcome gaps in the Code of Criminal Procedure and the Penal Code of the Russian Federation in this area.

Key words: exemption from punishment; illness; petition of convicts; special medical commission; court.

Институт освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с тяжелой болезнью, как известно, носит комплексный характер, что требует субсидиарного применения норм нескольких отраслей российского права. Важность исследования проблем снижения смертности в уголовно-исполнительной системе переоценить сложно, поскольку данный показатель говорит и о гуманности процесса исполнения наказания в целом, и об общем уровне охраны неотъемлемых прав граждан, таких как жизнь и здоровье. Следует отметить, что значительные шаги в направлении улучшения ситуации с реализацией ст. 81 УК РФ и пенитенциарной медицины в целом сде-

ланы. В последние 5–6 лет наметилось заметное и устойчивое снижение смертности в учреждениях уголовно-исполнительной системы примерно на 4 %¹, и данная тенденция сохраняется. С положительной стороны необходимо отметить фактическое предоставление возможности освобождения от отбывания наказания по болезни не только на терминальной стадии, когда лица выходят на свободу, где почти сразу умирают, но и на более ранних стадиях заболевания, когда нет перспективы улучшить или хотя бы поддерживать состояние здоровья осужденных на удовлетворительном уровне средствами пенитенциарной медицины. Например, речь может идти о 4-й стадии ВИЧ-

инфекции, онкологических заболеваниях, сахарном диабете в тяжелой форме при отсутствии инсулинозависимости.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 51² были скорректированы критерии, необходимые для заявления ходатайства об освобождении осужденного от отбывания наказания по болезни. Эти же документы закрепили обязанность судов учитывать в приоритетном порядке среди прочих обстоятельств заключения медицинских комиссий. Кроме того, в связи со случаями обращения осужденных с ходатайствами непосредственно в суд, минуя администрацию учреждения, Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на недопустимость отказа в принятии таких ходатайств, хотя предоставление необходимых документов (личного дела осужденного, заключения специальной медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и др.) в соответствии с ч. 6 ст. 175 УИК РФ является обязанностью администрации исправительного учреждения. В подобных случаях суд сам запрашивает необходимые материалы в учреждении или органе, исполняющем наказание, направляя им копию ходатайства осужденного.

О расширении круга лиц, которые могут претендовать на освобождение по болезни от отбывания наказания, красноречиво говорит судебная статистика. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. судами рассмотрено 8732 ходатайства по основанию, предусмотренному ст. 81 УК РФ и п. 6 ст. 397 УПК РФ, что на 14,4 % больше аналогичных показателей прошлого года, из них было удовлетворено 2674 ходатайства (АППГ – 2042, +23,6 %), отказано в удовлетворении 2806 (АППГ – 2060, +26,6 %), производство прекращено, ходатайства были отозваны или возвращены заявителю в 3252 случаях (АППГ – 3376, -3,8 %). В 2018 г. уже не наблюдается существенного роста данных показателей. Об этом можно судить по опубликованным данным за первое полугодие 2018 г. Так, в этот период судами было рассмотрено 4382 ходатайства, из которых удовлетворено 1386, отказано в удовлетворении 1465, прекращено производство, ходатайства отозваны или возвращены заявителю в 1531 случае³.

Необходимо отметить, что доля удовлетворенных ходатайств об освобождении от наказания по болезни от общего числа заявленных ходатайств относительно невелика,

что позволяет судить о довольно низкой эффективности рассматриваемого института. При этом в период с 2006 по 2015 г. отмечалась тенденция к значительному сокращению количества положительно разрешенных обращений, а начиная с 2016 г. по настоящее время наметилась хотя и слабая, но положительная динамика. Для сравнения: в 2006 г. доля удовлетворенных ходатайств об освобождении от наказания по болезни составила 62 %, в 2015 г. – только 21 %, в 2016 г. – 27,3 %, в 2017 г. – 30,6 %⁴. Однако статистика сама по себе малоинформативна без подробного анализа проблем, обуславливающих подобные показатели.

Изначально следует искать причину в деятельности первичного звена оказания медицинской помощи лицам, нуждающимся в серьезном лечении, а иногда и в высокотехнологичных медицинских услугах. Речь идет о лечебно-профилактических учреждениях ФСИН России. Несмотря на внедрение новой организационной модели, где основным звеном выступает медико-санитарная часть, предусматривающая медико-санитарное обеспечение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, не теряют актуальности вопросы финансирования, обеспечения данных учреждений медикаментами, оборудованием, остро стоят проблемы кадрового обеспечения не только узкопрофильными специалистами, но и медицинским персоналом общего профиля. Отсюда вытекает ряд проблем второго порядка – несвоевременность выявления тяжелой патологии, в ряде случаев ошибочная диагностика, запоздалое направление осужденных на специальную медицинскую комиссию, призванную оценить характер и тяжесть заболевания, спрогнозировать перспективы развития патологического процесса и оценить эффективность лечения в условиях пенитенциарных учреждений.

Анализ работы специальной медицинской комиссии Межобластной больницы № 10 УФСИН России по Вологодской области за последние три года (2015–2018 гг.) показал, что ежегодно в связи с тяжелым заболеванием комиссией обследуется не более 30 осужденных, также ежегодно, не дождавшись рассмотрения их дела судом, умирает 2–3 чел. Стоит отметить некоторые улучшения в работе данного учреждения, что выражается в увеличении числа удовлетворенных ходатайств. Отказы судов в положительном разрешении обращений в основном связаны с тем, что диагнозы, фи-

гулирующие в заключениях специальной медицинской комиссии, в целом соответствуют тем, которые закреплены в соответствующем перечне⁵, но степень развития заболевания не «дотягивает» до того критического предела, который и дает основание освободить осужденного от наказания. Как указывалось ранее, не только наличие заболевания, но и в приоритетном порядке его степень определяют судьбу ходатайства.

Еще одной причиной слабой эффективности института освобождения от наказания по болезни являются, по нашему мнению, длительные сроки разрешения соответствующих вопросов. В среднем временной период от выявления тяжелого заболевания до судебного решения по существу ходатайства составляет 3–5 месяцев. Даже исходя из принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, этот срок представляется необоснованно затянутым, ведь при наличии необходимых документов сама судебная процедура гораздо проще по сравнению с процедурой рассмотрения дела по существу. Уголовно-процессуальный закон лишь фрагментарно регламентирует некоторые элементы процессуальной формы рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, в частности указывает, в каком составе суд рассматривает ходатайства и представления, кто имеет право их заявить, какие суды рассматривают те или иные вопросы, порядок извещения заинтересованных лиц о судебном заседании и формы их участия, и уж совсем кратко излагается порядок самого судебного заседания. Нормы об этом расположены в различных статьях гл. 47 УПК РФ, хотя логичнее было бы аккумулировать их в одной ст. 399, которая своим заголовком «Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора» призывает к этому. Вместе с тем неосвещенным остается ряд вопросов, связанных с подготовкой к судебному заседанию. В частности, что касается сроков, в течение которых с момента поступления в суд ходатайства должно быть назначено и начато судебное заседание. При этом, как представляется, следует именно в УПК РФ закрепить ряд норм о действиях суда по подготовке к судебному разбирательству, которые в качестве разъяснений и указаний даются в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21⁶. Также считаем необходимым установить сокращенные сроки подготовительного этапа в отношении некоторых вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ:

об освобождении от отбывания наказания по болезни (п. 6 ст. 397 УПК РФ) и назначении судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ. В данных случаях речь идет об угрозе существенного ухудшения состояния здоровья осужденных, в результате чего невозможно говорить о достижении целей наказания.

В специальной литературе неоднократно обсуждались вопросы о совершенствовании правового регулирования стадии исполнения приговора. В частности, А. А. Крымовым предлагается более четко структурировать процессуальную процедуру разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, выделив в рамках нее следующие этапы: возбуждение производства, подготовка дела к судебному заседанию, судебное заседание⁷.

А. П. Скиба⁸ и Л. А. Шабалина⁹ обращают внимание на отсутствие четкой регламентации в УПК РФ участия в судебном заседании адвокатов, законных представителей осужденного, прокурора, потерпевшего, представителей администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, врачей, вынесших заключение о тяжелом заболевании осужденного. Также они говорят о необходимости процедуры ознакомления участников процесса с материалами, направляемыми в суд.

Считаем, что следует поддержать данные мнения, однако при разработке предложений по совершенствованию законодательства следует избегать коллизий и дублирования правовых норм в УПК РФ и УИК РФ, поскольку каждый из правовых источников имеет свою сферу влияния. Так, в УИК РФ необходимо помимо уже имеющихся там (ст. 78, 175 и др.) закрепить положения о действиях администрации учреждений уголовно-исполнительной системы по подготовке материалов в суд, в частности, что касается ознакомления с ними осужденного, дополнения их по просьбе осужденного или по собственной инициативе документами, подтверждающими обоснованность ходатайства. В УПК РФ следует более конкретно регламентировать правовой статус представителей администрации учреждений уголовно-исполнительной системы, что пока сделано весьма отрывочно. Также считаем, что в качестве участника судебных заседаний по вопросам освобождения от наказания по болезни по ходатайству участников судебного заседания может присутствовать врач соответствующей специализации и квалификации (необязательно тот,

который давал медицинское заключение) в качестве специалиста. В этом случае его процессуальный статус будет определяться ст. 58 УПК РФ.

Таким образом, следует признать недостаточную эффективность межотраслевого института освобождения от наказания по болезни, хотя и отрицать наличие поло-

жительной динамики в этом вопросе также нельзя. Вместе с тем некоторая корректировка правовых норм в УПК РФ и УИК РФ могли бы способствовать дальнейшему улучшению ситуации и более планомерной защите прав лиц, чье состояние здоровья препятствует полномасштабной реализации целей наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Погублены правосудием»: совещание в аппарате УПЧ по проблеме освобождения смертельно больных заключенных. URL: <http://zagr.org/1630.html> (дата обращения: 10.02.2019).

² См.: О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» и от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17.11.2015 № 51 // Рос. газ. 2015. 30 нояб.

³ См.: Сводные данные о деятельности судов общей юрисдикции. Разд. 4 Формы № 1 за 2016, 2017, 1-е полугодие 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.03.2019).

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью : постановление Правительства Рос. Федерации от 06.02.2004 № 54 (ред. от 19.05.2017) // Рос. газ. 2004. 13 февр.

⁶ См.: О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018) // Рос. газ. 2011. 30 дек.

⁷ См.: Крымов А. А. Участие администрации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в стадии исполнения приговора : моногр. М., 2015. С. 36.

⁸ См.: Скиба А. П. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного к лишению свободы: проблемы межотраслевого регулирования // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3 (74). С. 51–54.

⁹ См.: Шабалина Л. А. Подготовка и назначение судебного заседания в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 104–119.

¹ Sm.: «Pogubleny pravosudiem»: soveshchanie v apparate UPCH po probleme osvobozhdeniya smertel'no bol'nyh zaklyuchennyh. URL: <http://zagr.org/1630.html> (data obrashcheniya: 10.02.2019).

² Sm.: O vnesenii izmenenij v postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 aprelya 2009 goda № 8 «O sudebnoj praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoj chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya» i ot 20 dekabrya 2011 goda № 21 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora» : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Ros. Federacii ot 17.11.2015 № 51 // Ros. gaz. 2015. 30 noyab.

³ Sm.: Svodnye dannye o deyatel'nosti sudov obshchej yurisdikcii. Razd. 4 Formy № 1 za 2016, 2017, 1-e polugodie 2018 g. URL: <http://www.cdep.ru> (data obrashcheniya: 28.03.2019).

⁴ Sm.: Tam zhe.

⁵ Sm.: O medicinskom osvidetel'stvovanii osuzhdennyh, predstavlyaemyh k osvobozhdeniyu ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 06.02.2004 № 54 (red. ot 19.05.2017) // Ros. gaz. 2004. 13 fevr.

⁶ Sm.: O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Ros. Federacii ot 20.12.2011 № 21 (red. ot 18.12.2018) // Ros. gaz. 2011. 30 dek.

⁷ Sm.: Krymov A. A. Uchastie administracii organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v stadii ispolneniya prigovora : monogr. M., 2015. S. 36.

⁸ Sm.: Skiba A. P. Osvozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu osuzhdennogo k lisheniyu svobody: problemy mezhotraslevogo regulirovaniya // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2011. № 3 (74). S. 51–54.

⁹ Sm.: SHabalina L. A. Podgotovka i naznachenie sudebnogo zasedaniya v proizvodstve po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannyh s ispolneniem prigovora // Vestnik Kuzbassskogo instituta. 2014. № 4 (21). S. 104–119.

Обстоятельства, смягчающие наказание

А. П. КУЗНЕЦОВ – профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В статье с учетом последних изменений, внесенных законодателем в Уголовный кодекс Российской Федерации, исследуются обстоятельства, смягчающие наказание, обращается внимание на некоторые противоречивые юридико-технические решения при их формулировании.

Ключевые слова: уголовный кодекс; наказание; общественная опасность; перечень; обстоятельства, смягчающие наказание.

Mitigating circumstances

A. P. KUZNETSOV – Professor at the Department of Social and Legal Disciplines of the Volga Institute for Advanced Studies of the Federal Tax Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation

In the article taking into account recent changes made by the legislator to the Criminal Code of the Russian Federation, circumstances mitigating punishment are explored, attention is drawn to some controversial legal and technical decisions in their formulation.

Key words: criminal code; punishment; public danger; scroll; mitigating circumstances.

Характеристика проблемы. Законодатель в структуре УК РФ предусмотрел самостоятельную гл. 10 «Назначение наказания» и включил в нее 15 статей. Позднее, при совершенствовании уголовно-правового института назначения наказания, были внесены многочисленные изменения: включены новые статьи, установлены дополнительные правила их применения, конкретизирован порядок назначения наказания. Наличие данной главы определялось конституционными положениями, согласно которым только суд вправе признать лицо виновным в совершении преступления во вступившем в законную силу обвинительном приговоре. Принимая решение о виновности лица, совершившего преступление, суд в обвинительном приговоре при отсутствии законных оснований освобождения от уголовной ответственности назначает наказание. При этом должен быть соблюден закрепленный

в уголовном законе порядок, согласно которому каждый признается невиновным до тех пор, пока его вина в совершении преступления не будет доказана в соответствии с законом.

В систему общих начал назначения наказания наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, личностью виновного, подлежащих учету при назначении наказания, законодатель включил обстоятельства, смягчающие наказание.

Характеристика обстоятельств, смягчающих наказание. В ст. 61 УК РФ закреплен перечень обстоятельств, смягчающих наказание: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств (п. «а» ч. 1), несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1); беременность (п. «в» ч. 1), наличие малолетних детей у виновного (п. «г»

ч. 1), совершение преступлений в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания (п. «д» ч. 1), совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. «е» ч. 1), совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержании лица, совершившего преступления, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнение приказа или распоряжения (п. «ж» ч. 1), противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1), явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1), оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1).

Совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств (п. «а» ч. 1). Обстоятельства признаются смягчающими при наличии трех признаков: совершение преступления впервые, преступление признано небольшой или средней тяжести, преступление совершено вследствие случайного стечения обстоятельств. Признак лица, совершившего преступления впервые, означает, что лицо ранее не совершало преступления, или же за первое преступление истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности виновного, или судимость за первое преступление уже погашена или снята. Преступлением небольшой тяжести признается умышленное или неосторожное деяние, за совершение которого максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы; преступлением средней тяжести признается умышленное деяние, за совершение которого максимальное наказание не превышает 5 лет лишения свободы, неосторожное деяние, за совершение которого максимальное наказание превышает 3 года лишения свободы.

Несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1). Признание несовершеннолетия обстоятельством, смягчающим наказание,

обусловлено возрастными особенностями и социальным статусом. Юный возраст, недостаточная социальная зрелость, отсутствие жизненного опыта не позволяют несовершеннолетнему адекватно оценить окружающую действительность, возникающие обстоятельства, правильно осознать опасность совершенного им преступления.

Беременность (п. «в» ч. 1). Наличие беременности рассматривается как биологическое состояние, влекущее некоторые функциональные изменения в организме женщины, существенно влияющие на ее эмоциональную, психологическую сферу. Наличие беременности независимо от ее сроков признается обстоятельством, смягчающим наказание при совершении преступления любой категории.

Наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1). В уголовный закон данное обстоятельство включено впервые. Малолетними признаются дети, которым не исполнилось 14 лет. Признание этого обстоятельства смягчающим свидетельствует о реализации принципа гуманизма и обусловлено стремлением законодателя обеспечить охрану семьи, материнства, детства, защитить интересы физического и нравственного развития малолетних детей. Признание наличия малолетних детей смягчающим наказанием фактом возможно только при условии, если виновный принимал участие в материальном обеспечении и воспитании детей, то есть проявлял заботу о них. Таким образом, законодатель проявил заботу не о виновном, а о детях, их благополучии в будущем. Данное обстоятельство распространяется при осуждении как женщин, так и мужчин без учета того, является ли малолетний ребенок усыновленным (удочеренным), проживает малолетний отдельно или совместно с виновным.

Совершение преступлений в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания (п. «д» ч. 1). Тяжелыми жизненными обстоятельствами признаются обстоятельства, возникшие под воздействием внешних объективных факторов, негативных жизненных ситуаций, оказавших влияние на выбор виновным своего поведения, которому он не мог воспрепятствовать, противостоять в силу безысходности сложившегося положения. Это объективные факторы социального бытия личностного, семейного, жилищного, служебного свойства. К ним можно отнести смерть либо болезнь родных или близких, тяжелое материальное положение семьи, отсутствие жилья,

работы, аморальное поведение членов семьи и т. д.

Мотив сострадания относится к новым обстоятельствам, смягчающим наказание, и проявляется в переживаниях, сочувствии, стремлении позаботиться о другом лице, облегчить его участь. Мотив сострадания, как правило, связан с сопереживанием чужому горю, несчастью, желанием оказать помощь человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, что в итоге приводит виновного к преступлению. При признании указанных оценочных признаков обстоятельствами, смягчающими наказание, необходимо устанавливать их связь с преступлением и как они повлияли на его совершение.

Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. «е» ч. 1). Указанные обстоятельства имеют двойственный, но взаимосвязанный характер и проявляются в виде принуждения, которое может быть физическим или психическим. Принуждение – это применение психического или физического воздействия на лицо, лишаящего его возможности поступать по своему усмотрению. В частности, физическое насилие проявляется в насильственном воздействии на лицо, полностью или частично лишаящем его возможности действовать свободно, по своему желанию и воле (например, любое воздействие на тело человека путем нанесения ему ударов, причиняющих боль, страдания). Психическое принуждение – это информационное воздействие на лицо, способное оказать негативное влияние на решение виновного о совершении преступления. Указанное психическое воздействие может оказываться в любой форме: устной или письменной, с помощью жестов. Угроза (например, повредить или уничтожить имущество, причинить вред здоровью, унижить честь и достоинство, отказать в материальной помощи) может быть высказана как лично виновному, так и его близким.

Под совершением преступления в силу материальной, служебной или иной зависимости принято понимать такое положение виновного, когда последний в силу объективных жизненных обстоятельств нуждается в помощи, поддержке другого лица.

Материальная зависимость – это необходимость получения финансовой имущественной поддержки, нуждаемость в средствах к существованию как для себя, так и для своих близких.

Служебная зависимость основывается на подчинении, подконтрольности, подотчетности виновного другому лицу, склонившему его к преступлению (например, зависимость бригадира и начальника цеха, начальника отдела и главного инженера, заведующего кафедрой и ректора института и т. д.).

Иная зависимость – это любая зависимость, не попадающая под материальную и служебную, которая складывается в силу закона, договора, жизненных обстоятельств.

Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения (п. «ж» ч. 1). В гл. 8 УК РФ в качестве самостоятельного института сформулированы обстоятельства, исключающие преступность деяния, то есть определены составы деяний, образующие позитивное поведение, лишенные общественной опасности. При соблюдении всех законодательно закрепленных условий они признаны социально полезными, а причиненный вред – вынужденным. Вместе с тем при несоблюдении их правомерности лицо несет уголовную ответственность, однако это обстоятельство признается смягчающим наказание.

Превышение пределов необходимой обороны является обстоятельством, смягчающим наказание, и суд обязан учитывать состояние виновного, находившегося в состоянии необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени опасности преступного посягательства, то есть нарушаются условия правомерности необходимой обороны.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, является действием социально полезным, правомерным. Вместе с тем следует иметь в виду, что превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, будет признаваться умышленными действиями, не соответствующими характеру и степени опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызванный обстановкой вред. Указанное деяние признается преступлением, совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, не является преступлением при причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемых законом, интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено пределов правомерности крайней необходимости. Превышением пределов крайней необходимости признается умышленное причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожающей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранилась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. При таких условиях наступает уголовная ответственность, но, учитывая правомерность деяния по устранению большей опасности, оно рассматривается законодателем как смягчающее наказание обстоятельство.

Обоснованный риск законодатель в УК РФ установил впервые. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели, которая не могла быть достигнута без определенного риска. Риск признается необоснованным, а лицо подлежит уголовной ответственности, если оно не в полной мере выполнило все установленные правила и условия, выработанные наукой и практикой, в результате чего наступил вред. В этом случае лицо подлежит уголовной ответственности, но совершенное им деяние рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание.

В ст. 42 УК РФ «Исполнение приказа или распоряжения» установлено, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность, однако суд при назначении наказания должен учитывать субординационную зависимость подчиненного и начальника и расценивать ее как смягчающее обстоятельство.

Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1). Противо-

правность или аморальность поведения потерпевшего является поводом для преступления, признается обстоятельством, смягчающим наказание, при наличии двух признаков поведения потерпевшего: а) противоправность; б) аморальность, провоцирующая действия виновного.

Противоправность поведения заключается в совершении лицом действий, носящих характер преступлений либо иных правонарушений.

Аморальность – это действие, противоречащее нормам морали, нравственности, правилам поведения в обществе. Провоцирующее действие – это умышленное подстрекательство, возбуждение к различным действиям. Противоправное аморальное поведение является провоцирующим, влияющим на поведение виновного.

Явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1). Указанное смягчающее обстоятельство необходимо трактовать как свидетельство стимулирования законодательно определенного позитивного постпреступного поведения виновного лица, который осознал противоправность своего деяния, добровольно явился с повинной и стал активно оказывать помощь правоохранительным органам. Указанное постпреступное поведение выражается в двух близких по содержанию смягчающих обстоятельствах.

Явка с повинной означает, что виновный добровольно явился в правоохранительные органы или инициативно сообщил официальным лицам о совершенном им преступлении. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации явка с повинной в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается в тех случаях, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовные преследования, о совершенном им или с его участием преступлении¹. Добровольными признаются действия, совершаемые лицом без принуждения.

Активное способствование раскрытию преступления выражается в правдивой деятельности оперативной помощи виновного правоохранительным органам: предоставление информации как о неизвестных, так и об известных фактах совершенного преступления, изобличение других участни-

ков преступления, установление их роли, связей; помощь в розыске вещественных доказательств, имущества, добытого преступным путем, предоставление другой информации, позволяющей облегчить деятельность правоохранительных органов в расследовании преступления.

Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1). Указанные смягчающие наказание обстоятельства относятся к специфическим и свидетельствуют о посткриминальном поведении виновного. Оказание медицинской и иной помощи непосредственно после совершения преступления выражается в том, что виновный активно оказывает помощь потерпевшему.

Добровольное возмещение имущественного и морального вреда, причиненного в

результате преступления, заключается в том, что виновный после совершения преступления по собственной инициативе компенсирует потерпевшему причиненный материальный ущерб или иным образом оплачивает нанесенные убытки. Моральный вред выражается в причинении потерпевшему неимущественного вреда, развившегося в страданиях, переживаниях (например, в оскорблении, клевете). Возмещение морального вреда может быть индивидуальным или публичным, принесено лично потерпевшему или высказанные ранее инсинуации публично опровергнуты. Моральный вред может компенсироваться и путем денежного возмещения в зависимости от характера и степени душевных личностных переживаний потерпевшего. Иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, могут выражаться в любых активных действиях виновного в совершении преступления, способные компенсировать нанесенный потерпевшему вред.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22.12.2015 № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

¹ Sm.: O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovnogo nakazaniya : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Ros. Federacii ot 22.12.2015 № 58 // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2016. № 2.

УДК 343.13

Уголовно-процессуальный кодекс и проблемы раскрываемости преступлений (к обсуждению законопроекта о дополнении ст. 146 УПК РФ)

А. М. ЛЮТЫНСКИЙ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В марте 2019 г. внесен на обсуждение законопроект, который вводит в УПК РФ особые требования к принятию решения о возбуждении уголовного дела по факту сбыта наркотических средств. В статье обосновывается мнение, что такое предложение неправомерно, противоречит общим требованиям и логике уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; принятие решения о возбуждении уголовного дела; незаконный оборот наркотических средств.

Criminal Procedure Code and the problems of detection of crimes (to the discussion of the bill on the addition of Article 146 of the Code of Criminal Procedure of the RF)

A. M. LYUTINSKY – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Searching Activity of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

In March 2019 a draft law was put up that introduces special requirements to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the decision to initiate criminal proceedings on the sale of narcotic drugs. The article substantiates the opinion that such a proposal is illegal, contrary to the general requirements and logic of the criminal procedure law.

Key words: the stage of initiation of a criminal case; the decision to initiate criminal proceedings; drug trafficking.

22 марта 2019 г. в средствах массовой информации появилось сообщение о законодательном предложении, подготовленном Министерством внутренних дел Российской Федерации, о дополнении гл. 20 УПК РФ, посвященной порядку возбуждения уголовного дела. В настоящее время текст и основная информация о законопроекте размещены на официальном портале проектов нормативных правовых актов¹. Законопроект направлен на совершенствование правового регулирования возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В чем конкретно заключается это совершенствование? Авторы проекта предлагают

дополнить ст. 146 УПК РФ частью следующего содержания:

«6. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 228.1 и 228.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, по факту незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, растений либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, *не могут быть возбуждены при отсутствии* (выделено мной – авт.) сведений о передаче их другим лицам, а также заключений эксперта или специали-

ста, определяющих вид, размер и название таких средств или веществ».

В контексте смысла уголовно-процессуального закона, его задач и логики хотелось бы высказать несколько соображений о неприемлемости данного предложения:

1. Общие юридико-технические требования, сложившиеся в науке, к содержанию нормативно-правового акта. Общепринятым является выделение содержательных правил правового регулирования, несоблюдение которых неприемлемо в законотворческой деятельности. Так, правовое регулирование должно быть однородным, то есть правовой документ должен иметь границы и не быть безразмерным². Выделение отдельной ситуации, которая может возникнуть при решении вопроса о возбуждении уголовного дела о двух преступлениях, нарушает, по нашему мнению, сразу несколько требований содержательного и логического характера, смешивает вопросы материального и процессуального права.

2. Аргумент общего характера: уголовно-процессуальный закон должен формулировать общие, единые требования к решениям, принимаемым субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Требования закона должны устанавливаться законодателем применительно к различным ситуациям. Если речь идет о решении начать производство, возбудить уголовное дело, то существующий закон (ст. 140 УПК РФ) устанавливает общие требования:

а) уголовное дело возбуждается при наличии одного из поводов, указанных в законе: заявление о преступлении, явка с повинной и т. д.;

б) основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Следуя логике авторов законопроекта, можно бесконечно дополнять гл. 20 УПК РФ правилами возбуждения уголовного дела об убийстве, краже и т. д.

3. Норма противоречит процессуальному статусу субъекта принятия решения о возбуждении уголовного дела – следователя, дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа. Ведь эти участники уголовного судопроизводства обладают процессуальной независимостью и исключительной компетенцией по оценке полученной информации, квалификации события, ставшего предметом процессуальной проверки, и т. д. Предлагаемая норма, будучи установленной, сводит на нет

полномочия соответствующего субъекта, заранее указывая ему на обязательное решение в одной из ситуаций, возможных на практике.

4. Предложение противоречит сложившейся практике и нормам уголовно-процессуального доказывания. Если исходить из того, что в ходе доследственной проверки происходит доказывание (а мы исходим из этого), то должны применяться общие правила оценки доказательств, в первую очередь принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), реализуя который следователь и дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств.

Возникает вопрос: а зачем вообще нужно предлагаемое изменение? Почему его предлагают?

Имеющиеся публикации позволяют оценить некоторые аргументы авторов, обосновывающие необходимость законопроекта. Так, делается утверждение о значительном количестве возбуждаемых дел против сбытчиков по материалам административных производств об употреблении наркотиков или в случае смерти человека от передозировки (14 тыс. случаев за 2018 г.), а позже «из-за недостаточной доказательной базы такие дела прекращают»³ (видимо, все же приостанавливают в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого). Имеются в виду ситуации, когда факт употребления наркотического средства зафиксирован, но сам наркотик не изымается, так как это уже невозможно.

Действительно, можно согласиться с авторами законопроекта, что такие ситуации не имеют судебной перспективы. Сложившаяся судебная практика свидетельствует, что без фиксации в материалах уголовного дела определенного количества конкретного наркотического вещества невозможна квалификация по соответствующей статье УК РФ, и это, в общем, вытекает из смысла уголовного закона.

Однако подобные аргументы вряд ли могут считаться убедительным обоснованием предлагаемой новации. Уголовное дело публичного обвинения должно быть возбуждено при наличии признаков преступления, независимо от судебной перспективы и сложности расследования. Если признаков преступления нет, то и уголовное дело не возбуждается без каких-либо дополнительных излишних указаний в законе для отдель-

ного вида деяний, запрещенных уголовным законом.

Описанная ситуация, как представляется, иллюстрирует попытку разрешить ведомственные трудности с помощью закона. Но уголовно-процессуальный кодекс – нормативный акт, принимаемый в интересах общества, а не отдельного, пусть и очень важного, правоохранительного органа. Если приостановление уголовных дел так мешает органам внутренних дел, то, может быть, стоит, наконец, изменить критерии оценки их работы?

Что касается действительно сложной ситуации, когда фиксируется факт употребления наркотического средства при невозможности достоверно его подтвердить с помощью изъятия, осмотра, установления точного объема наркотического средства и определения его вида с помощью специального экспертного исследования, она должна быть разрешена наукой и практикой применения материального уголовного закона, через толкование и обобщение практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: О внесении изменений в статью 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : проект федер. закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#departments=7&npa=89278> (дата обращения: 30.03.2019).

² Томин В. А. Юридическая техника : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2018. С. 23.

³ См.: МВД запретит возбуждать дела о сбыте наркотиков без факта их передачи. URL: <https://pravo.ru/news/210163/> (дата обращения: 30.03.2019).

¹ Sm.: O vnesenii izmenenij v stat'yu 146 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : proekt feder. zakona. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#departments=7&npa=89278> (data obrashcheniya: 30.03.2019).

² Tomin V. A. Yuridicheskaya tekhnika : ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. SPb., 2018. S. 23.

³ Sm.: MVD zapretit vobzuzhdat' dela o sbyte narkotikov bez fakta ih peredachi. URL: <https://pravo.ru/news/210163/> (data obrashcheniya: 30.03.2019).

УДК 342.9

О некоторых проблемах участия адвоката на досудебных стадиях административного процесса

Р. М. МОРОЗОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Р. А. СТУДЕНТОВ – студент 4 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются актуальные проблемы участия адвоката (защитника (представителя)) в производстве по делам об административных правонарушениях на досудебных стадиях, а именно: процедура ознакомления адвоката с материалами дела об административном правонарушении, использование технических средств, право задержанного на свидание с адвокатом (защитником), обязательное участие адвоката в делах об административных правонарушениях.

Ключевые слова: адвокат; защитник; представитель; административное правонарушение; полномочия адвоката; использование технических средств; административное задержание; обязательное участие адвоката.

On some problems of the participation of a lawyer in the pre-trial stages of the administrative process

R. M. MOROZOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Searching of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

R. A. STUDENTOV – 4th year student of the Faculty of Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with topical issues of participation of a lawyer (advocate (representative)) in the proceedings on administrative offenses at pre-trial stages, namely, the procedure for familiarizing a lawyer with the materials of an administrative offense case, using technical means, the detainee's right to meet a lawyer (advocate), the mandatory participation of a lawyer in cases of administrative offenses.

Key words: lawyer; advocate; representative; administrative offense; powers of attorney; use of technical equipment; administrative detention; mandatory participation of a lawyer.

В условиях формирования гражданского общества и усиления роли судебной защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц возрастает значение представительства как гарантии в механизме защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантиру-

ется право на получение квалифицированной юридической помощи, однако с реализацией данного права возникают сложности, особенно в области административных правонарушений, что обусловлено как пробелами законодательства, так и деструктивной правоприменительной практикой.

Одним их важнейших и в то же время наиболее спорных институтов защиты прав

граждан по делам об административных правонарушениях является институт защитника. Адвокат в досудебных стадиях административного процесса в соответствии со ст. 25.5 КоАП РФ выступает в качестве защитника (представителя). Некоторые авторы полагают, что в участии адвоката-защитника (представителя) в производстве по делам об административных правонарушениях нет реальной необходимости. Другие, напротив, считают, что институт профессиональной защиты в административном процессе необходим, однако в том виде, в котором он существует сегодня, практически не действует¹.

С целью разрешения данного вопроса нами в 2018 г. было проведено интервьюирование пяти адвокатов Адвокатской палаты Вологодской области, проанализированы законодательство и правоприменительная практика. Обозначим выявленные проблемы и пути их разрешения.

Одной из проблем выступает процедура ознакомления адвоката с материалами дела об административном правонарушении. В ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ сформулированы права защитника (представителя), вступившего в дело об административном правонарушении. Одним из задекларированных прав, которое прописано в КоАП РФ, является право на ознакомление со всеми материалами дела, однако каким образом происходит реализация данного права нормы закона не разъясняют, что порождает вопросы, например, о том, ограничен ли адвокат во времени ознакомления с материалами дела, если ограничен, то каков срок, каким образом регулируется вопрос неознакомления защитника с материалами дела. Имеющийся пробел можно устранить путем изменения ч. 4 ст. 28.2 КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции: «Физическому лицу, его представителю (при наличии) или законному представителю юридического лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, должна быть предоставлена возможность ознакомления с протоколом об административном правонарушении и иными материалами, подготовленными при его выполнении, в срок, не превышающий более одного часа с момента вручения копии протокола. В случае составления протокола об административном правонарушении и ознакомления с ним в отсутствие представителя физического или юридического лица документы представляются данным лицам в течение суток с момента составления протокола. При этом

срок ознакомления представителя с указанными выше материалами не может превышать более одного часа».

Следующей проблемой выступает отсутствие у адвоката права на использование технических средств, так как в ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ данное право не закреплено. С одной стороны, перечень прав, указанных в ст. 25.5 КоАП РФ, носит неисчерпывающий характер, адвокат (защитник (представитель)) вправе пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с данным кодексом, однако перечень этих прав не раскрывается². Можно было бы утверждать, что адвокат реализует право через исполнение прав отдельных участников процесса (ст. 25.1 КоАП РФ «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении» или ст. 25.2 КоАП РФ «Потерпевший»), но и у данных участников нет указанного права. Стоит отметить, что Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³ определяет в п. 6 ч. 3 ст. 6, что адвокат вправе «фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь...». Вместе с тем в ч. 1 данной статьи указано, что полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, можно утверждать, что адвокат может воспользоваться только теми правами, которые прямо предусмотрены КоАП РФ, однако анализ текста закона показал, что указанное право не закреплено.

Противники внесения изменений по указанной проблеме могут выступить с доводом, что ч. 6 ст. 28.2 КоАП РФ определяет, что физическому лицу (законному представителю), потерпевшему под расписку вручается копия протокола. Таким образом, проблема в применении технических средств как бы снимается, однако необходимо понимать, что протокол – это не единственный документ, который составляется участниками. Так, п. 3 ст. 28.2 КоАП РФ закрепляет, что к протоколу прилагаются не менее значимые документы (копии которых не представляются), такие как объяснения и замечания по содержанию протокола.

Право на фиксирование информации (в том числе с помощью технических средств),

содержащейся в материалах дела об административном правонарушении, на практике зачастую является одним из самых полезных и важных полномочий адвоката. Данный пробел мог бы быть частично компенсирован отражением указанного права в ч. 1 ст. 25.1 и ст. 25.5 КоАП РФ. Часть 1 ст. 25.1 и ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ должны быть дополнены правом указанных лиц знакомиться со всеми материалами административного дела с помощью технических средств.

В качестве еще одной проблемы стоит выделить право задержанного на свидание с адвокатом (защитником) в строго определенные сроки с момента задержания, а также продолжительность и конфиденциальность такой встречи.

Сравнительный анализ КоАП РФ и УПК РФ позволяет сделать вывод, что у адвоката существенно меньше полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях, чем в уголовном процессе. В частности, отсутствует указание на право защитника беспрепятственно встречаться со своим подзащитным наедине⁴.

Административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ) – мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, которая переступает через закрепленное в Конституции Российской Федерации право на свободу и личную неприкосновенность. Данное обстоятельство требует особого внимания к вопросу оказания юридической помощи лицу, которое было подвержено задержанию. Нормы КоАП РФ в ч. 4 ст. 25.5 утверждают, что адвокат (защитник) допускается к участию в производстве по делу с момента его возбуждения, а в ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ лишь коротко закрепляется право задержанного на уведомление защитника о месте своего нахождения. В соответствии со ст. 25.1 КоАП РФ лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе пользоваться юридической помощью защитника.

Право на конфиденциальное свидание между защитником и задержанным не предусмотрено ни в ч. 5 ст. 25.5 КоАП РФ, ни в ст. 27.3 КоАП РФ. Указанные обстоятельства требуют внесения изменений в вышеуказанные статьи кодекса.

В связи с этим ч. 5 ст. 25.1 КоАП РФ имеет смысл изложить в следующей редакции: «Лицо, в отношении которого применено административное задержание в качестве административного ареста или административного выдворения, вправе иметь сви-

дание с защитником наедине и конфиденциально до рассмотрения вопроса судьбы об административном аресте или административном выдворении, срок которого не может быть более двух часов».

Нормы КоАП РФ исключают необходимость обязательного участия защитника в делах об административных правонарушениях, что, на наш взгляд, неверно. Так, например, в УК РФ в ст. 158.1, 212.1, 264.1 и др. прямо определен состав уголовных преступлений, в которых предусмотрена уголовная ответственность за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27, 20.2, 12.8 КоАП РФ. Таким образом, можно говорить об административной преюдиции в отношении указанных составов. Полагаем, что в подобных составах КоАП РФ просто обязательна квалифицированная юридическая помощь, так как ошибки, совершенные при привлечении к административной ответственности по указанным статьям, в дальнейшем могут привести к необоснованной уголовной ответственности. Заполнить данный пробел возможно дополнением кодекса соответствующей нормой об обязательном участии адвоката по делам об административных правонарушениях.

Обозначенная выше проблема позволила сформулировать предложение по внесению изменений в КоАП РФ. Так, следует дополнить кодекс ст. 25.5.2 «Обязательное участие адвоката по делам об административных правонарушениях», изложив ее следующим образом:

«1. Участие адвоката по делу об административном правонарушении обязательно в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных следующими статьями КоАП РФ: 7.27 “Мелкое хищение”, 20.2 “Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования”, 12.8 “Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения”.

2. Лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предоставляется адвокат.

3. В случае признания лица виновным в совершении административного правонарушения издержки по участию адвоката возлагаются на лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении».

Таким образом, рассмотренные нами проблемы и пути решения вопросов участия адвоката в досудебных стадиях административного процесса позволят обеспечить законность действий должностных лиц, повысить эффективность защиты участников процесса, а также снизить возможность реализации коррупционных проявлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ивашкова А. А. Защитник как участник производства по делу об административном правонарушении // Аллея науки. 2018. № 4. С. 799.

² См.: Печатнова Ю. В., Теобальдт Б. А., Диденко Ю. М. Проблемы правового статуса защитника в производстве по делу об административном правонарушении в РФ // Синергия наук. 2018. № 28. С. 808.

³ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁴ См.: Голованова Е. А., Зайцев Н. С., Аносов Д. А. Проблемы правового регулирования статуса адвоката-защитника в производстве по делам об административных правонарушениях // Концепция развития института прав человека в условиях глобализации современного права и политики : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. круглого стола / под ред. Н. Н. Кулешова. Рязань, 2015. С. 86.

¹ Sm.: Ivashkova A. A. Zashchitnik kak uchastnik proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii // Alleya nauki. 2018. № 4. S. 799.

² Sm.: Pechatnova YU. V., Teobal'dt B. A., Didenko YU. M. Problemy pravovogo statusa zashchitnika v proizvodstve po delu ob administrativnom pravonarushenii v RF // Sinergiya nauk. 2018. № 28. S. 808.

³ Sm: Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2002. № 23. St. 2102.

⁴ Sm.: Golovanova E. A., Zajcev N. S., Anosov D. A. Problemy pravovogo regulirovaniya statusa advokata-zashchitnika v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Konceptiya razvitiya instituta prav cheloveka v usloviyah globalizacii sovremennoogo prava i politiki : sb. nauch. tr. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. kruglogo stola / pod red. N. N. Kuleshova. Ryazan', 2015. S. 86.

Тайна исповеди и свидетельский иммунитет священнослужителя как отражение законодательного и общественного противоречия

А. Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье ставится цель выявить противоречия в регулировании правоприменения тайны исповеди и свидетельского иммунитета священнослужителя. Актуальность проблемы связана с появлением новых подходов к решению данной проблемы, а также необходимостью создать эффективные способы выявления правонарушений. Анализируются особенности и отличия применения свидетельского иммунитета священнослужителя в уголовно-процессуальном и гражданском процессуальном законодательстве, дается оценка различных подходов юристов. Результатом исследования являются предложения об унификации процессуального применения свидетельского иммунитета священника, а также необходимости формального уточнения отдельных категорий, связанных с юридическим пониманием тайны исповеди.

Ключевые слова: тайна исповеди; свидетельский иммунитет священнослужителя; условный и безусловный характер свидетельского иммунитета; гражданский долг, религиозный долг; уголовно-процессуальное противоречие.

The seal of confession and privilege of witness of a priest as a reflection of legislative and public contradiction

A. R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

The article aims to identify contradictions in the regulation of law enforcement, the seal of confession and the privilege of witness of a priest. The urgency of the problem is associated with the new approaches to solving this problem as well as the need to create effective ways to detect offenses. The features and differences of the use of witness immunity of a cleric in the criminal procedure and civil procedural legislation are analyzed, an assessment of the various approaches of lawyers is given. The result of the research is the proposals on the unification of the procedural application of the witness immunity of the priest as well as the need for a formal clarification of certain categories related to the legal understanding of the seal of confession.

Key words: the seal of confession; privilege of witness of the priest; conditional and unconditional nature of evidence of immunity; civic duty, religious duty; criminal procedural contradiction.

Религиозный фактор всегда оказывал заметное влияние на развитие общества в силу генетического единства морали, религии и права. Однако чем более цивилизованным становилось общество, тем больше требовалось вмешательство государства в уре-

гулирование тех отношений, которые когда-то относились к церковной юрисдикции. Одновременно возникали и противоречия, связанные с разным пониманием и назначением объектов социального управления. Наглядным примером такого противоречия

является ситуация, которая складывается вокруг тайны исповеди и свидетельского иммунитета священнослужителя в гражданском и уголовном процессе.

Как сложившееся понятие «тайна исповеди» относится к религиозному обряду, который существует в христианских и некоторых других конфессиях, при этом процедура его прохождения может иметь различные формы. В христианстве исповедь относится к священному таинству покаяния и обозначает признание и изложение человеком (кающимся) перед священником собственных греховных помыслов и поступков¹. Исповедь неразрывно связана и с покаянными практиками церковных наказаний, когда виновному назначались дисциплинарные покаянные процедуры².

Противоречивость ситуации заключается в том, что порой священнослужителю приходится делать сложный внутренний выбор, когда полученная на исповеди информация связана с противозаконными действиями и требует соответствующей правовой оценки. Сомнения усиливаются, когда очевидны риски появления массовых жертв. Но гражданский долг и священный долг заставляют священнослужителя руководствоваться совершенно разными моделями поведения. В православии на этот счет дается однозначный ответ: священнослужителю даже в целях помощи правоохранительным органам запрещено нарушать тайну исповеди, однако он должен предпринять меры для предупреждения преступления путем обращения к исповедуемому отказаться от преступных замыслов, предупреждения тех лиц, которым угрожает реальная опасность, а также обратиться за советом к епархиальному архиерею³. Указанные меры осуществляются последовательно друг за другом.

Таким образом, Русская православная церковь исходит из того, что религиозный долг ставится выше, чем гражданский. Гражданский долг требует проявления гражданской позиции – сообщить властям о готовящемся или совершенном преступлении.

Вместе с тем сходную позицию в вопросе соблюдения тайны исповеди занимает и государство. Она обозначена в преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О свободе совести и религиозных объединениях»⁴, где обосновывается необходимость соблюдать культурно-исторические традиции народов России. В соответствии с ч. 5 ст. 3 данного закона тайна исповеди является частью права на свободу вероисповедания, кото-

рая заключается в том, что никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповедованию или отказу от исповедания, к участию или неучастию в богослужениях, религиозных обрядах и церемониях. По форме и содержанию реализации права на свободу вероисповедания тайна исповеди заключается в проведении специального ритуала, когда исповедуемый рассказывает священнику о своей личной жизни, доверяет ему собственные секреты, рассчитывая на соответствующую оценку⁵. В указанном законе содержится прямой запрет на нарушение тайны исповеди. В соответствии с ч. 7 ст. 3 священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые ему стали известны на исповеди.

Аналогичное предписание о запрете привлекать к допросу священнослужителя в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших известными ему на исповеди, содержится и в УПК РФ и ГПК РФ. Отличие между ними состоит в том, что свидетельский иммунитет в уголовно-процессуальном производстве распространяется вообще на всех священнослужителей различных конфессий, имеющих отношение к принятию тайны исповеди, а в гражданско-процессуальном производстве – только на священнослужителей религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию. Однако надо помнить, что наряду с религиозными организациями существуют и религиозные группы, которые не подлежат государственной регистрации и не приобретают правоспособность юридического лица (ст. 6, 7). Последним не запрещается в своих рядах иметь священнослужителей, осуществляющих тайну исповеди, а также совершать богослужения, религиозные обряды и церемонии. Следовательно, границы свидетельского иммунитета священнослужителя в отечественном уголовно-процессуальном производстве гораздо шире, чем в гражданском процессе. Данное обстоятельство приводит к различным дискуссиям, смысл которых сводится к обсуждению единых требований к свидетельскому иммунитету священнослужителя. В частности, высказывается мнение, что действующее процессуальное законодательство данный вопрос регламентирует непоследовательно, без учета сложившихся реалий времени⁶.

Споры вокруг свидетельского иммунитета священнослужителя в целом сводятся к

вопросу о соразмерности неблагоприятных последствий, которые могут наступить (или уже наступили) в результате сокрытия преступления, и соблюдения права личности на сохранение тайны исповеди. Собственно, будучи общественной, данная проблема все больше и больше приобретает юридическое наполнение.

Критическому восприятию свидетельского иммунитета священнослужителя способствует и ряд следующих обстоятельств.

Во-первых, не совсем понятно, какие категории духовных лиц следует относить к понятию «священнослужитель». В каждой религии сложилось собственное представление о священниках в формально признанной корпоративной иерархии. Внутреннее деление священнослужителей между конфессиями различается, при этом не каждый священник производит таинство исповеди. Законодатель не уточняет круг священнослужителей, на которых распространяется свидетельский иммунитет.

Во-вторых, не во всех конфессиях существует понятие тайны исповеди в том смысле, как оно рассматривается в христианстве. В ряде конфессий (конфуцианство, буддизм, ислам) отсутствует разработанный ритуал исповеди. Даже внутри христианства отношение к исповеди может складываться совершенно по-разному. В протестантизме, например, доминирует более утилитарный подход. Процедура отпущения грехов достаточно проста и лишена глубокого мистического смысла, свойственного традиционному христианству. В католицизме таинство исповеди носит более индивидуальный (закрытый) характер при соблюдении анонимности сторон. В православии, наоборот, подчеркивается сакральная часть ритуала, который, как правило, является частью более масштабного торжественного богослужения. Исповедующиеся хоть и отделены от другой части прихожан, но находятся в зоне публичного наблюдения: виден, но не слышен диалог священника и человека.

Таким образом, отношение к исповеди как к религиозному явлению и ритуалу даже внутри конфессий складывается по-разному, что может порождать двусмысленные вопросы у следствия и ставит под сомнение сохранение свидетельского иммунитета священнослужителя. Особенно остро эти противоречия усиливаются в отношении тех религий, где таинство исповеди отсутствуют по меркам доминирующих религий. Строго следуя букве закона, священник, относящийся к религии, где ука-

занное таинство отсутствует, обязан давать свидетельские показания в суде, что ставит его в неравное положение со священнослужителями других конфессий, где таинство исповеди сложилось в самостоятельный религиозный ритуал.

В-третьих, нуждается в формализации и понятие «места и процедуры тайны исповеди». Как ритуал таинство исповеди должно проводиться по определенным требованиям, несоблюдение которых дает формальный повод лишить священнослужителя свидетельского иммунитета. Контроль соблюдения богослужения и церковных обрядов возлагается на церковные власти (епархиального архиерея, благочинного), которые осуществляют его по мере необходимости. Однако именно это обстоятельство порождает вопросы к процедуре ее чистоты.

В-четвертых, свою тайну частное лицо может доверить не только на исповеди, но и при личной беседе со священником, который, как правило, для прихожан является наставником. Обязано ли духовное лицо в этом случае свидетельствовать в суде, если информация о преступлении открылась во время частной встречи?

Обстоятельств, которые являются основанием для критики свидетельского иммунитета священнослужителя, достаточно много. Научные споры юристов можно свести к нескольким сложившимся подходам в современном отечественном праве.

Первый подход сводится к тому, что государство вообще не должно нести никакой ответственности за нарушение тайны исповеди в силу отсутствия законодательно установленных санкций. Данная позиция обосновывается прежде всего ростом преступлений, связанных с религиозным экстремизмом, а также усилением риска расползания локальных террористических очагов. Однако такое манипулирование правом вызывает и справедливую критику: процесс борьбы с преступностью может выйти из-под контроля общественности и привести к серьезным нарушениям прав человека.

Следующий подход рассматривает свидетельский иммунитет священнослужителя как безусловный по обязательности применения судом. Допрос священника в качестве свидетеля в гражданском и уголовном судопроизводстве является невозможным по обстоятельствам, ставшим известными на исповеди. Он основывается на необходимости соблюдать профессиональную тайну и запрете давать показания в суде (по ана-

логии с адвокатами), а также на буквальном толковании ч. 4 ст. 56 действующего УПК РФ и ч. 3 ст. 69 ГПК РФ, которые наделяют священнослужителя свидетельским иммунитетом.

Не менее убедительной выглядит позиция некоторых юристов, которые считают, что более важным является умение найти компромисс, не нарушая действующее законодательство. Священнослужитель должен подтолкнуть человека к официальному признанию, если на исповеди становятся известны факты правонарушения. Духовное лицо формально не нарушает запрет тайны исповеди, не дает свидетельских показаний, а лишь побуждает человека к чистосердечному признанию в правоохранительных органах⁷. Способность священника убедить правонарушителя сделать для себя сложный внутренний выбор является, по сути, профессиональным мастерством, в котором сочетаются качества наставника, педагога, психолога. Виновный может рассчитывать на смягчение судебного решения, так как явка с повинной и активное содействие раскрытию и расследованию преступлений на основании ч. 1 ст. 61 УК РФ относятся к обстоятельствам, смягчающим наказание. Однако такую позицию разделяют не все. Н. Ю. Волосова считает недопустимым использование священником словесного убеждения, так как оно будет рассматриваться как средство определенного воздействия на человека и является нарушением канонического права и уголовно-процессуального законодательства⁸. При всей справедливости данного замечания одновременно укажем и на то, что в каноническом представлении исповедь должна заканчиваться оценкой грехов человека, убеждением священника отказаться от преступных замыслов. Архиепископ Верейский Амвросий сравнил священника с хирургом на операции, который должен уметь не только слушать, но и общаться, а значит, и обладать даром воздействия. Именно поэтому далеко не всем рукоположенным священникам предоставлено право исповедовать прихожан. Словами священник должен воздействовать на внутренний мир человека, а значит, склонять его к определенным (богоугодным или общественно одобряемым) действиям⁹. Более того, в досудебной практике дореволюционной России священник, исповедуя обвиняемого, должен был подвести его к официальному признанию, если на исповеди подтверждался факт совершения преступления.

Еще одним подходом является рассмотрение свидетельского иммунитета священника как условного по обязательности применения судом. Свидетель (священник) вправе, но не обязан давать показания в суде. Для этого необходимо согласие исповедовавшегося лица по аналогии отказа от свидетельского иммунитета адвоката при соглашении сторон на разглашение сведений¹⁰. Священник выступает в роли посредника между государством и частным лицом и добровольно возлагает на себя ответственность за дачу свидетельских показаний. Такая позиция ущербна противоречием действующему законодательству и недостаточной защитой обвиняемого. Сторона обвинения получает косвенное доказательство виновности человека, которое необходимо еще подтвердить. Не факт, что лицо, раскаявшееся на исповеди, подтвердит свои показания следствию. Может сложиться и более абсурдная ситуация, когда человек, испугавшись последствий, начнет предпринимать активные действия и обвинит священнослужителя в лжесвидетельствовании.

Тем не менее возможность потенциального социального посредничества была озвучена патриархом Кириллом в своем выступлении в Государственной Думе в январе 2019 г. Смысл идеи сводился к тому, что тайну исповеди необходимо сохранять, но наличие данного таинства формирует у священников понимание того, что волнует людей, что может быть актуально и полезно для социально значимых начинаний государства. Другими словами, не персонифицируя прихожан, церковь может ставить перед государством социальные проблемы, которые озвучиваются во время исповеди.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящий момент предпринимаются попытки артикулировать общественное мнение вокруг свидетельского иммунитета священнослужителя. Ставится под сомнение не сама идея тайны исповеди, а исключительность свидетельского иммунитета священнослужителя. Очевидно, что сложившаяся ситуация отражает стремление государства найти более эффективные способы борьбы с преступностью, а также разрешить противоречия в действующем уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве путем унификации. Вполне логичным является предложение о сохранении в уголовно-процессуальном праве свидетельского иммунитета только в отношении священнослужителей религиозных

организаций, получивших государственную регистрацию (по аналогии с гражданским процессом). Требуют формального уточнения и такие понятия, как «тайна исповеди», «священнослужитель, принимающий исповедь», «место исповеди».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Исповедь // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (дата обращения: 30.04.2019).

² См.: Павлушков А. Р. Борьба с преступностью в контексте развития государственно-церковных отношений в имперский период // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 апреля 2014 г.). Минск, 2014. С. 269–270.

³ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень. Отдел внешних церковных связей Московского патриархата. 2000. № 8. С. 52–53.

⁴ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Мельников В. Ю. Свидетель в уголовном процессе России // Адвокатская практика. 2011. № 2. С. 25.

⁶ См.: Волосова Н. Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3. С. 91–97.

⁷ См.: Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 41–42.

⁸ См.: Волосова Н. Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве. С. 94.

⁹ См.: Архиепископ Верейский Амвросий: Мы пока еще слишком далеки от людей, чтобы нам доверяли. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5360119.html> (дата обращения: 10.05.2019).

¹⁰ См.: Исаенков А. А. Свидетельские иммунитеты в российском гражданском процессе // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 6. С. 139–143.

¹ Sm.: Ispoved' // Pravoslavnyaya enciklopediya. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675011.html> (data obrashcheniya: 30.04.2019).

² Sm.: Pavlushkov A. R. Bor'ba s prestupnost'yu v kontekste razvitiya gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v imperskij period // Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravoohranitel'nyh organov : mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 3 aprelya 2014 g.). Minsk, 2014. S. 269–270.

³ Sm.: Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Informacionnyj byulleten'. Otdel vneshnih cerkovnyh svyazej Moskovskogo patriarhata. 2000. № 8. S. 52–53.

⁴ Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

⁵ Sm.: Mel'nikov V. YU. Svidetel' v ugolovnom processe Rossii // Advokatskaya praktika. 2011. № 2. S. 25.

⁶ Sm.: Volosova N. YU. O tajne ispovedi i svidetel'skom immunitete svyashchennosluzhitelya v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. S. 91–97.

⁷ Sm.: Francifirov YU. V. Protivorechiya ugolovnogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2007. S. 41–42.

⁸ Sm.: Volosova N. YU. O tajne ispovedi i svidetel'skom immunitete svyashchennosluzhitelya v ugolovnom sudoproizvodstve. S. 94.

⁹ Sm.: Arhiepiscope Verejskij Amvrosij: My poka eshche slishkom daleki ot lyudej, chtoby nam doveryali. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5360119.html> (data obrashcheniya: 10.05.2019).

¹⁰ Sm.: Isaenkov A. A. Svidetel'skie immunitety v rossijskom grazhdanskom processe // Vestnik Saratovskoj yuridicheskoj akademii. 2015. № 6. S. 139–143.

УДК 343.1

Некоторые вопросы взаимодействия следователей и дознавателей с оперативными подразделениями при раскрытии и расследовании преступлений

Ю. Н. СПИРИДОНОВА – начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридически наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации перечня и полномочий органов дознания; проблемы организации взаимодействия следователей и дознавателей с органами дознания в целом и с оперативными подразделениями в частности; анализируются проблемы взаимодействия субъектов досудебного производства, обусловленные неоднородностью органов дознания.

Ключевые слова: орган дознания; дознаватель; уголовно-процессуальные полномочия; полномочия по производству оперативно-розыскных мероприятий.

Some questions of the interaction of investigators and inquiry officers with operational units in the detection and investigation of crimes

YU. N. SPIRIDONOVA – Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Searching of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor

The article deals with the issues of legislative regulation of the list and powers of the bodies of inquiry; problems of organizing the interaction of investigators and inquiry officers with the bodies of inquiry in general and with operational units in particular; analyzes the problems of interaction of subjects of pre-trial production, due to the heterogeneity of the bodies of inquiry.

Key words: body of inquiry; inquiry officer; criminal procedural powers; powers for the production of operational searching.

Поскольку к основным задачам оперативно-розыскной деятельности ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ относит выявление, пресечение и раскрытие преступлений, выявление и установление лиц, их совершивших, а также осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, можно констатировать, что одним из основных направлений деятельности оперативных подразделений является обеспечение деятельности должностных лиц, в производстве которых находятся уголовные дела, по быстрому и полному раскрытию престу-

плений, расследованию уголовных дел. Конечной целью этой деятельности является привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, назначение им справедливого наказания.

Как известно, взаимодействие в уголовно-процессуальной деятельности может осуществляться в процессуальных и организационных формах. Субъектами взаимодействия являются, с одной стороны, должностные лица, в производстве которых находятся уголовные дела, с другой – органы дознания. Субъектами расследования являются следователи и дознаватели. Если со следователями ситуация более-менее

стабильная (их полномочия четко определяются в ст. 38 УПК РФ, действуют они в настоящее время в составе трех ведомств: ФСБ России, МВД России и Следственного комитета), то законодательная регламентация деятельности дознавателей, как и органов дознания, вызывает много вопросов.

Так, органы дознания в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ определяются через оперативно-розыскные полномочия: «к органам дознания относятся органы внутренних дел... а также органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности», что говорит о связи оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных полномочий отдельных правоохранительных органов. Пункт 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ в качестве первого полномочия органов дознания называет расследование уголовных дел в форме дознания, хотя при анализе ч. 3 ст. 151 УПК РФ выясняется, что далеко не все органы дознания обладают правом производства дознания. Понятие, зафиксированное в п. 7 ст. 5 УПК РФ, гласит, что дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Из этого определения можно сделать вывод, что существуют две категории дознавателей: штатные дознаватели, занимающие соответствующую должность и работающие в специализированных подразделениях дознания, созданных для расследования уголовных дел в форме дознания, и сотрудники любых других подразделений органов дознания, которым начальник органа дознания поручил выполнение полномочий, предоставленных органам дознания. Хотя ч. 2 ст. 40 УПК РФ не содержит полного перечня полномочий органов дознания, на основании норм уголовно-процессуального законодательства можно сделать вывод, что основными их полномочиями являются: прием, регистрация, проверка сообщений о преступлениях и принятие по ним процессуальных решений (гл. 19, 20 УПК РФ); дознание (гл. 32, 32.1 УПК РФ); производство неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ); выполнение поручений следователей и дознавателей по уголовным делам и материалам, находящимся у них в производстве (п. 4. ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Соответственно, выполнение любого из этих полномочий

может быть поручено любому сотруднику органа дознания, не занимающему должность дознавателя. Однако на практике производство расследования в форме дознания поручается таким должностным лицам крайне редко.

Таким образом, применительно к субъектам взаимодействия дознаватель может выступать как должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, и как должностное лицо, оказывающее содействие следователю или другому дознавателю.

В рамках взаимодействия в ходе раскрытия и расследования преступлений важным является реализация такого полномочия органов дознания, как выполнение поручений следователя и дознавателя. Если обязательность выполнения поручений следователя под сомнение никогда не ставилась, то право дознавателя давать поручения органам дознания закреплено в УПК РФ сравнительно недавно: соответствующие изменения были внесены в ч. 3 ст. 41 УПК РФ только в 2013 г. федеральным законом № 53-ФЗ. До этого при даче поручений дознаватели вынуждены были ссылаться на ведомственные нормативные акты, однако, как свидетельствует личный опыт автора, такие поручения выполнялись не всегда, так как законодательной основы под собой не имели.

Поскольку органы дознания по своим полномочиям неоднородны, их можно классифицировать на органы дознания, имеющие право производить дознание, и органы дознания, правом производства дознания не обладающие, а также на органы дознания, обладающие оперативно-розыскными полномочиями и не имеющие их.

Полномочия производства оперативно-розыскных мероприятий имеют особое значение, поскольку следователи и штатные дознаватели, в производстве которых находятся уголовные дела, сами такими полномочиями не обладают, однако зачастую без производства оперативно-розыскных мероприятий раскрыть преступление и собрать доказательства становится невозможным.

Разнообразие видов и полномочий органов дознания порождает некоторые проблемы в организации взаимодействия. Взаимодействие при раскрытии и расследовании преступлений значительно упрощается в рамках одного ведомства. К примеру, в структуре МВД России действуют следственные подразделения, подразделения дознания и подразделения, обладающие оперативно-розыскными полномочиями

(например, отделы уголовного розыска, отделы экономической безопасности и противодействия коррупции). Однако есть органы дознания, которым уголовно-процессуальным законом предоставлено право расследования уголовных дел в форме дознания, но федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» не предоставлено право производства оперативно-розыскных мероприятий. Оптимизировать порядок взаимодействия таких органов дознания могут только совместные приказы.

Одной из эффективных форм взаимодействия является производство неотложных следственных действий органами дознания, а также последующая работа по таким уголовным делам после передачи дела следователю.

Производить неотложные следственные действия на основании ст. 157 УПК РФ могут все органы дознания, как обладающие полномочиями по производству оперативно-розыскных мероприятий, так и не имеющие таковых. Открытым остается вопрос о возможности использования оперативно-розыскных полномочий должностными лицами органов дознания, производящими неотложные следственные действия. На основании ч. 2 ст. 41 УПК РФ не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. УПК РСФСР включал в понятие дознания производство неотложных следственных действий, и, более того, данный вид дознания считался «классическим дознанием»². Действующим УПК РФ под дознанием понимается только форма предварительного рас-

следования по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. Поскольку производятся неотложные следственные действия в исключительных ситуациях, когда сам следователь возбудить уголовное дело и начать расследование по объективным причинам не может, а на основании п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия проводятся по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (то есть по тяжким и особо тяжким преступлениям), использование оперативно-розыскных полномочий могло бы в значительной мере способствовать раскрытию преступлений и эффективному собиранию доказательств на первоначальном этапе расследования.

Регламентация взаимодействия, осуществляемого следователем с органами дознания после завершения неотложных следственных действий и передачи уголовного дела руководителю следственного органа, осуществляется ч. 4 ст. 157 УПК РФ. На основании данной нормы, если лицо, совершившее преступление, в ходе неотложных следственных действий не обнаружено, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для раскрытия преступления, вместе с тем далеко не все органы дознания, производящие неотложные следственные действия, обладают оперативно-розыскными полномочиями.

Таким образом, для повышения результативности взаимодействия органов дознания со следователями и дознавателями необходимо как дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, так и разработка соответствующих ведомственных нормативных актов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Крымов А. А. Формы предварительного расследования преступлений в контексте деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Закон и право. 2014. № 12. С. 98.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

² См.: Крымов А. А. Формы предварительного расследования преступлений в контексте деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Закон и право. 2014. № 12. С. 98.

Проблемные аспекты квалификации неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ)

С. П. ШУЧЕВА – ведущий специалист-эксперт отдела по контролю и надзору в сфере адвокатуры, нотариата, государственной регистрации актов гражданского состояния Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Вологодской области

В статье рассматривается ряд проблем, возникающих при квалификации деяний по ст. 124 УК РФ, подробно раскрываются понятия «больной» и «болезненное состояние», а также правильное понимание объема и вида оказываемой помощи. Для наиболее детального исследования проблем, возникающих при квалификации действий, предусмотренных ст. 124 УК РФ, подробно разбираются несколько примеров из судебной практики, также делаются выводы и формулируются предложения для восполнения законодательных пробелов по рассматриваемой теме.

Ключевые слова: медицинский работник; причинение вреда здоровью; неоказание помощи больному; болезненное состояние; пациент.

Problem aspects of qualifying failure to render assistance (Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation)

S. P. SHUCHEVA – Leading specialist expert of the department for control and supervision in the field of advocacy, notary, state registration of civil status acts of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Vologda region

The article discusses a number of problems arising in the qualification of acts under Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation, the concepts of “sick” and “painful condition” are disclosed in detail, as well as a correct understanding of the amount and type of assistance provided. For the most detailed study of the problems arising from the qualification of actions under Art. 124 of the Criminal Code of the Russian Federation, several examples from judicial practice are examined in detail, conclusions are also drawn up and proposals are formulated to fill in the legislative gaps on the subject under consideration.

Key words: medical worker; harm to health; failure to render assistance; painful condition; a patient.

Преступления, совершаемые медицинскими работниками, относятся к той категории преступных действий, которую наиболее сложно раскрывать и расследовать. Обычно указанные преступления широко обсуждаемы общественностью и приобретают большой резонанс, что в свою очередь требует от правоохранительных органов высокого уровня компетенции и подготовки.

В настоящее время, несмотря на действующие стандарты и порядки оказания медицинской помощи, при ее осуществлении в отношении конкретного человека отсутству-

ет безусловная гарантия получения именно качественного результата. Среди всех оснований неблагоприятных последствий осуществления медицинской деятельности наибольшие противоречия вызывает правовая квалификация врачебных ошибок.

В современной России правоотношения врача и пациента находятся в стадии формирования. Особенно остро стоит проблема разрешения конфликтных ситуаций. В силу своей специфики конфликты между врачом и пациентом по поводу оказания медицинской помощи трудны для понимания.

Это говорит о том, что назрела острая необходимость в общепринятых разъяснениях по данной категории уголовных дел в виде постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что позволит избежать ошибок в квалификации деяний работников в схожих ситуациях, правильно оценивать действия субъекта преступления, причинение различных тяжких последствий нескольким лицам, а также разграничить профессиональные и должностные обязанности медицинских работников, упорядочить судебно-следственную практику как в вопросах сбора и оценки доказательств, так и назначения наказаний.

По мнению же Верховного Суда Российской Федерации, так как дела по данной категории являются малочисленными и отсутствуют специальные медицинские составы, в каких-либо разъяснениях и рекомендациях данные дела не нуждаются.

Однако в настоящее время ситуация выглядит иначе. Уголовных дел по данным преступлениям заводится все больше, не осуществляются учет и анализ вынесенных приговоров, не проводится исследование судебных и следственных ошибок, что приводит к многократному их повторению и укоренению. Так, УК РФ предусмотрена специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за неоказание помощи больному, а именно ст. 124.

Так как практика по данной статье малочисленна, это вызывает спорные вопросы у правоприменителей. Рассмотрим подробнее проблемы, возникающие при квалификации деяний по указанной статье.

Одним из наиболее важных вопросов является установление обязательного признака объекта преступления, то есть потерпевшего. Исходя из текста статьи можно сделать вывод, что потерпевшим признается человек, обладающий статусом больного. Многие ученые и правоприменители относят к таковым лиц, которые находятся в любом болезненном состоянии, независимо от причин наступления такого состояния, однако при таком понимании не раскрывается формулировка «болезненное состояние».

Под одним из толкований болезненного состояния в медицинской науке понимается процесс развития в организме – в целом или в отдельных частях и органах – отклонений от физиологической и анатомической нормы, нарушающих правильность жизненных отправлений организма, под другим – состояние организма, в котором утрачивается

способность полноценно выполнять те или иные функции¹.

Анализируя данные дефиниции, можно сказать, что они являются неточными и недостаточно полными для отражения признаков болезненного состояния лица, поэтому использовать медицинские термины для определения больного нецелесообразно. Так, например, не является больной беременная женщина, нуждающаяся в оказании медицинской помощи при родах.

На наш взгляд, под больным следует понимать любое лицо, заболевшее той или иной болезнью либо находящееся в опасном для жизни или здоровья состоянии, вызванном различными причинами и процессами, происходящими в организме, и нуждающееся в медицинской помощи.

Как уже было отмечено, объективная сторона преступления выражается в форме бездействия, а именно в неоказании помощи больному без уважительных на то причин, если это причинило средней тяжести вред здоровью человека либо повлекло по неосторожности смерть больного или причинение тяжкого вреда его здоровью.

В качестве примера, отражающего объективную сторону данного преступления, можно привести событие, произошедшее в Тульской области, когда пациенту, обратившемуся в приемное отделение учреждения здравоохранения, не была оказана медицинская помощь врачом районной больницы – вместо срочной госпитализации в связи с предынфарктным состоянием пациент был направлен домой, где у него произошел инфаркт миокарда².

В связи с этим возникает много споров на практике относительно квалификации действий по рассматриваемой статье УК РФ, если лечение проведено не полностью либо не предоставлены лекарственные средства и т. п., а также отсутствуют последствия.

По мнению В. П. Новоселова, такой вид неоказания медицинской помощи на практике встречается очень редко. Наиболее частыми являются другие виды, а именно недостаточная, несвоевременная и неправильная медицинская помощь, которая нередко рассматривается как ее неоказание³.

Важным моментом является правильное понимание объема и вида помощи. Ряд авторов считает, что на законодательном уровне принято иметь в виду только медицинскую помощь, однако, по мнению других ученых, данное понятие можно интерпретировать абсолютно по-разному, даже отнести к случаям, не связанным с медициной.

Так, по мнению Ф. Ю. Бердичевского, деяние может заключаться, например, в отказе работника аптеки предоставить телефон для вызова скорой помощи либо в отказе шофера от перевозки больного⁴.

На наш взгляд, законодатель имел в виду именно медицинскую помощь, что в свою очередь подтверждается самой конструкцией нормы, где потерпевший определяется как больной.

Также для наиболее детального рассмотрения проблем, возникающих при квалификации действий, предусмотренных ст. 124 УК РФ, приведем несколько примеров.

Так, судом Смоленской области был вынесен обвинительный приговор в отношении врача городской больницы гражданина С. В городскую больницу за медицинской помощью обратился гражданин Н., получивший производственную травму. В ходе работы ему в область груди отскочила металлическая деталь, на теле от которой образовалась ссадина. Пациенту было измерено артериальное давление, проведен осмотр, посчитан пульс. Болей в области груди, живота не было обнаружено, при осмотре жалоб на болевые ощущения также не было. Никаких признаков внутреннего кровотечения не было. Внешне больной был в порядке, был сделан рентген, перелома ребер не было выявлено. На следующий день гражданин Н., находясь дома, скончался от внутреннего кровотечения, обусловленного переломом ребра и разрывом селезенки. Действия врача С. были квалифицированы по признакам ч. 2 ст. 124 УК РФ.

В данной ситуации суд оказался в затруднительном положении, так как причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями усматривалась, однако говорить о признаках ч. 2 ст. 109 УК РФ было безосновательно. Говорить о наличии здесь деяния в форме действия или бездействия сложно. Со стороны действий врача не было откровенно небрежного отношения к своей работе, ряд медицинских мероприятий был осуществлен, не было выявлено факта нарушения каких-либо нормативных актов, инструкций и правил. Также нельзя сказать о том, что пациенту вообще не было оказано никакой медицинской помощи. Следовательно, квалификация действий медицинского работника по ч. 2 ст. 124 УК РФ не совсем понятна и вызывает вопросы.

Все это свидетельствует о том, что законодательно существует пробел в норме, регламентирующей данное общественное отношение, и поэтому данная специ-

альная норма оказывается недостаточной и правоприменитель либо игнорирует ч. 3 ст. 17 УК РФ относительно квалификации преступного деяния, либо применяет положения ст. 124 УК РФ, не обращая внимания на то, что признаки данной статьи не полностью подходят к той или иной ситуации.

На сегодняшний день в чистом виде не оказания помощи больному не бывает, однако некачественное ее оказание – явление довольно распространенное и не нашедшее отражения в уголовном законе. Отсутствие такого положения очень остро ощущается в ходе квалификации деяний подобного рода, в связи с чем у правоприменителя есть только один выход – действовать по аналогии, обращая внимания и на общие нормы уголовного закона, которые не всегда могут соответствовать конкретной ситуации.

Между тем наличие у лица, имеющего соответствующую квалификацию, подтвержденную дипломом о наличии медицинского образования, необходимых знаний для оказания требуемой помощи должно презюмироваться. Презумпция наличия таких знаний должна выступать в качестве предпосылки установления уголовной ответственности за ненадлежащее оказание помощи, а их отсутствие при наличии медицинского образования соответствующего профиля не может служить основанием для ее исключения⁵.

Следует отметить, что термин «ненадлежащее» должен подразумевать под собой очевидные и грубые нарушения различных нормативных правовых актов, в частности инструкций и правил, а также очевидные для медицинской практики ситуации, в рамках которых медицинским работником принимаются явно неадекватные решения, влекущие за собой общественно опасные последствия или способствующие им. Здесь не идет речь о крайне сложных ситуациях, когда предотвращение последствия носит лишь вероятностный характер.

Ошибочный способ лечения не всегда говорит о том, что медицинская помощь оказана ненадлежащим образом, поэтому здесь требуется тщательное изучение и аргументированный подход в каждом конкретном случае наступления указанных в уголовном законе последствий. Это не подразумевает излишнее давление на медицинских работников. Речь идет о снятии реально существующей проблемы правоприменительно-го характера, решение которой необходимо для правильной квалификации деяний такого рода.

Законодательный пробел в норме, регламентирующей оказание помощи больному, можно восполнить лишь за счет внесения изменений в ст. 124 УК РФ, где речь должна идти не только о неоказании, но и о ненадлежащем оказании помощи больному, повлекшем соответствующие последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мамонтов Д. Ю. Объективные признаки неоказания помощи больному // Актуальные вопросы права и правоприменения. 2017. № 4. С. 123–124.

² См.: Венев Д. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 151.

³ См.: Там же. С. 152.

⁴ См.: Нагорная И. И. Неосторожность медицинского работника при причинении вреда здоровью или смерти пациенту // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 15.

⁵ См.: Щепельков В. Ф. Всегда ли отказ больного от медицинской помощи исключает уголовную ответственность врача? // Уголовное право. 2016. № 3. С. 12.

¹ Sm.: Mamontov D. YU. Ob»ektivnye priznaki neokazaniya pomoshchi bol'nomu // Aktual'nye voprosy prava i pravoprimeneniya. 2017. № 4. S. 123–124.

² Sm.: Venev D. A. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya, sovershaemyh pri okazanii medicinskih uslug : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016. S. 151.

³ Sm.: Tam zhe. S. 152.

⁴ Sm.: Nagornaya I. I. Neostorozhnost' medicinskogo rabotnika pri prichinenii vreda zdorov'yu ili smerti pacientu // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 4. S. 15.

⁵ Sm.: SHCHepel'kov V. F. Vsegda li otkaz bol'nogo ot medicinskoj pomoshchi isklyuchaet ugovovnuyu otvetstvennost' vracha? // Uголовное право. 2016. № 3. S. 12.

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

В 2019 году в Вологодском институте права и экономики ФСИН России вышло в свет учебное пособие «Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти» для магистратуры по направлению подготовки «Юрист в сфере государственного управления» под редакцией доктора юридических наук, профессора Старостина Сергея Алексеевича и доктора юридических наук, доцента Нагорных Романа Вадимовича.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с учебным планом и рабочей программой дисциплины «Юрист в сфере государственного управления» Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Подготовка юристов в сфере государственного управления подразумевает глубокое изучение теории и практики функционирования органов исполнительной власти, форм и методов их деятельности. В связи с этим в учебном пособии изложены наиболее важные проблемы сущности и содержания современной системы федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, исполнительных органов местного самоуправления.

Отличительной особенностью учебного пособия является то, что многие вопросы, которые в нем рассмотрены, непосредственно связаны с административной реформой. Основная цель административной реформы – создание оптимальной системы государственного управления, такой системы и структуры органов исполнительной власти, которые позволили бы успешно решать социально-экономические проблемы для повышения уровня и качества жизни населения. Но административная реформа – это не только изменение системы и структуры, это в первую очередь пересмотр полномочий органов исполнительной власти, совершенствование механизмов их реализации. В этой связи на основе современно-

го нормативного материала и правоприменительной практики рассмотрены функции, формы и методы реализации исполнительной власти, уделено внимание вопросам обеспечения законности и дисциплины в деятельности органов исполнительной власти.

При подготовке учебного пособия авторы поставили перед собой две цели:

- учитывая существующее многообразие учебной и научной литературы по административному праву и процессу, отобрать материал, который позволил бы дать необходимые и глубокие знания по данному предмету. Во всех главах пособия по излагаемым проблемам даны современные позиции ведущих ученых, что рассчитано прежде всего на подготовленного студента;

- изложить материал таким образом, чтобы студенты смогли получить навыки и умения точно и профессионально применять полученные знания на практике, быть готовыми и способными самостоятельно решать сложные задачи, поэтому учебный курс сопровождается многочисленными примерами из практики.

Книга состоит из девяти глав, полностью включающих содержание рабочей программы по учебной дисциплине «Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти».

Учебное пособие открывают главы, посвященные сущности исполнительной власти и системе ее органов, в которых анализируются актуальные проблемы места и роли исполнительной власти в системе разделения властей, соотношения исполнительной власти и государственного управления, а также вопросы административной реформы и совершенствования системы и структуры органов исполнительной власти, механизма ее организации и функционирования.

Большое внимание авторами уделяется раскрытию сущности и содержания функций органов исполнительной власти, административно-правовых форм и методов их

реализации. В этих главах подробно раскрываются проблемы соотношения функций исполнительной власти с ее компетенцией и полномочиями, их видов и классификации, характеризуются нормотворческая и правоприменительная деятельность органов исполнительной власти, рассматриваются виды и критерии классификации административно-правовых методов реализации исполнительной власти.

Завершается пособие главами, посвященными проблемам законности и дисциплины в государственном управлении, в которых анализируются основные формы данной деятельности.

В целом учебное пособие позволяет обучающимся получить развернутое представление об основных проблемах системы и структуры органов исполнительной власти, формах и методах ее реализации, а также

основных направлениях совершенствования механизма реализации исполнительной власти на современном этапе проведения административной реформы в нашей стране.

Учебное пособие предназначено для студентов юридических и иных вузов, проходящих обучение по магистерской программе «Юрист в сфере государственного управления», аспирантов и преподавателей, а также всех интересующихся проблемами современного административного права и процесса.

Пособие получило положительную рецензию от профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия доктора юридических наук, доцента Минигуловой Динары Борисовны.

*Начальник кафедры
административно-правовых дисциплин
ВИПЭ ФСИН России
кандидат юридических наук,
доцент **С. В. Завитова***

